

Алиса Огнева

Техно-пророчество
имени П.Р.О.Р.О.К.А

Алиса Огнева

Техно-пророчество

имени П.Р.О.Р.О.К.А

<https://litres.ru/74212707>

Аннотация

Арина верит в код, дедлайны и что магия — это плохо задокументированный баг. Марк верит в кристаллы, энергетику и однажды подключает к серверу древний артефакт с барахолки. Привычный мир дал трещину. И из неё прёт магия, бюрократия и абсурд: драконы не платят налоги, кот читает нотации, а налоговая требует поставить трёхголового Иннокентия Павловича на баланс. Чинить всё это придётся им двоим. Ворча, матерясь и случайно нажимая правильные кнопки. Добро пожаловать в техподдержку реальности. Она работает 24/7 и не принимает жалоб.

Содержание

!ГЛАВА 1. УТРО, КОТОРОЕ НАЧАЛОСЬ НЕ С КОФЕ	4
!ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ БАГИ РЕАЛЬНОСТИ	22
!ГЛАВА 3. НАЛОГОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ ДЛЯ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ	39
!ГЛАВА 4. НОЧНОЙ ДОЗОР (В НАШЕМ СЛУЧАЕ — НОЧНОЙ ОТКАТ)	59
!ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	85
!ГЛАВА 6. МАГИЧЕСКИЙ КОММУНАЛ	112
Конец ознакомительного фрагмента.	127

!ГЛАВА 1. УТРО, КОТОРОЕ НАЧАЛОСЬ НЕ С КОФЕ

За окном моросит холодный дождь. Не просто моросит, а с каким-то зловредным энтузиазмом барабанит по подоконнику, будто отрабатывает сверхурочные. Серый рассвет сочится сквозь немытое стекло, превращая комнату в декорации к фильму ужасов категории «Б». Восемь сорок семь. Телефон, зарывшийся где-то в складках одеяла, звонил двадцать минут назад, но я его отключила во сне, приняв за особо навязчивый кошмар. Сейчас он вибрирует без звука, накапливая непрочитанные, как тот самый снег, который обещали, но так и не выпал.

Просыпаюсь не от будильника. Просыпаюсь от осознания, что дышать стало технически невозможно. На груди, с чувством выполненного долга, сидит Байт. Восемь килограммов наглой, пушистой самоуверенности, которая давно уже продавила мой диван до состояния персонального гамака. Он не просто требует завтрак — он взимает дань. Смотрит на меня зелеными глазищами с выражением: «Ну? Я жду. Твоя никчемная человеческая жизнь снова начинается с моей милости».

— Байт, — хриплю я, пытаюсь спихнуть кота. Голос звучит как у персонажа хоррора, который вот-вот умрет, но еще

надеется дожить до титров. — Ты программа-вымогатель. Ты хоть понимаешь, что вискас — это криптовалюта? А у меня сегодня курс упал. Технический дефолт. Дефолт, Байт!

Кот даже ухом не ведет. Только сильнее впивается когтями в одеяло, прожигая взглядом дыру в моем и без того сомнительном запасе терпения. Вздыхаю. Сдаюсь. Аккуратно, как сапер, выскальзываю из-под него и босиком шлепаю на кухню.

Лего я не видела уже месяц. Оно лежало в коробке. В прошлые выходные приходила племянница, и мы клятвенно собирали его обратно. Но нет. Оно меня нашло. Нога находит конструктор с ювелирной точностью, будто пластиковый кубик специально поджидал в темноте, чтобы впиться острыми углами прямо в пятку.

Звук, который я издаю, похож на запуск реактивного двигателя, смешанный с бранным заклинанием.

— Да чтоб твой API сломался! — ору на одной ноге, прыгая к холодильнику. — Чтоб у тебя патч не установился! Чтоб тебя заDDOSили!

Холодильник открывается с видом «ну и что ты хотела тут найти?». Встречает пустотой и запахом вчерашней безнадёги. Йогурт с истекшим сроком, засохший сыр, банка маринованных огурцов, открытая еще на прошлых выходных. Смотрю на этот ассортимент с философским смирением человека, который уже проиграл, но старается держать лицо.

— Ну хоть сыр не шевелится, — сообщаю Байту, который

уже материализовался в дверях. — Уже прогресс.

Кот запрыгивает на стол и начинает демонстративно вылизываться, игнорируя пустую миску. Классика кошачьей психологии: «Я не прошу. Я просто намекаю, что ты — ничемное существо, не способное обеспечить базовые потребности высшего существа».

Насыпаю ему корм. Наливаю воду. Себе завариваю растворимый кофе. Вернее, его жалкие остатки — заливаю кипятком коричневую пыль на дне банки и надеюсь на чудо. С чашкой этой сомнительной жидкости плетусь к ноутбуку.

Пятнадцать непрочитанных. Восемь — мемы от Кости-тестировщика. Два — от начальника с темой «Срочно!» и пустым телом письма, потому что Игорь Викентьевич так и не научился пользоваться почтой. Остальное — флуд в общем чате.

Пролистываю. И натываюсь на сообщение от Марка Новенького. Того самого, которого я еще не видела, но уже ненавижу с подозрением. Отправлено в три часа ночи.

«Коллеги, кто знает, где купить амулет от сглаза для сервера? А то у нас вчера база данных упала, явно порчу навели. Или, может, просто свечу поставить? Напишите в личку, если есть проверенные мастера. С меня благодарность и энергетика)!»

Закатываю глаза так сильно, что на секунду вижу собственный затылок.

— Байт, — поворачиваюсь к коту, который уже доел и

теперь довольно жмурится. — Кажется, у меня будет новый коллега. И он идиот. Полный.

Байт смотрит на меня с выражением «ты только сейчас это поняла?». Медленно, с чувством собственного достоинства, падает на бок и подставляет пузо. Типа «чеши, если не хочешь, чтобы я умер с голоду, пока ты там с идиотами работаешь».

— Ипотека, Байт, — вздыхаю я, чеша кота. — Ради ипотеки мы это терпим. И ради вискаса. Ты вообще помнишь, кто тебе вискас покупает?

Байт молчит. Но в глазах читается: «Ты. И поэтому я тебя пока терплю». Отворачиваюсь к ноутбуку, допиваю кофе-мечту и начинаю собираться. За окном все так же моросит. Впереди рабочий день, новый коллега-шаман и куча кода, который никто не писал, кроме меня. Жизнь, определенно, удалась.

Выхожу из такси и поднимаю голову к небу. Дождь усилился, превратив ноябрьский день в безнадежные сумерки. Бизнес-инкубатор «ТехноПарк-5» встречает меня грязными окнами, облупленной вывеской и вечно сломанной турникетной вертушкой. Наша контора арендует здесь угол уже третий год, и за это время я успела возненавидеть этот запах — смесь дешевого кофе, нагретого пластика и человеческой безнадеги.

Лифт не работает, конечно. Поднимаюсь пешком на чет-

вертый этаж, перепрыгивая через лужи на лестнице. Толкаю дверь с табличкой «ООО «Код Абсурда». Девиз: «Мы сделаем это вчера».

В лицо ударяет знакомый запах. Пахнет так, как пахнет в местах, где люди проводят больше времени, чем дома. Прохожу к своему столу, и сердце пропускает удар. Кружка стоит не там. Кто-то посмел передвинуть мою кружку с логотипом «Я люблю тестировщиков» (ироничный подарок Кости) на целых пять сантиметров влево.

Молча ставлю её обратно. Сверлю взглядом отдел маркетинга. Там делают вид, что очень заняты.

— Арина! — из кабинета вылетает Игорь Викентьевич. Начальник в дешевом костюме, с золотой цепью поверх рубашки и сияющей лысиной. Он похож на персонажа из 90-х, который случайно забрел в IT и теперь не знает, как отсюда выбраться. — Зайди! Радость!

Захожу. В кабинете пахнет коньяком и оптимизмом. Игорь Викентьевич потирает руки так энергично, что, кажется, сейчас задымится.

— Мы выиграли грант! Платформа «Красный Квадрат» дает деньги на разработку приложения! Представляешь?!

— Мы всегда что-то выигрываем, — осторожно говорю я, садясь на стул. — В прошлом месяце выиграли спор с налоговой. В позапрошлом — две недели больничного для Кости после твоего корпоратива.

— Это другое! — он взмахивает руками. — Миллион! На

разработку приложения для предсказания апокалипсиса!

Медленно поднимаю руку.

— Игорь Викентьевич. Мы калькулятор налогов два года делали. С калькулятором. Налогов. У нас даже проценты считались через раз. Ты уверен?

— Ариночка, — он садится напротив, доверительно наклоняется. Запах коньяка усиливается. — Там такие деньги! Апокалипсис — это модно. Люди хотят знать, когда все умрут. Это же психология!

— Это идиотизм, — поправляю я.

— Это бизнес! — он не слушает. Он никогда не слушает. — Я уже нашел тебе напарника! Фронтендер, гений, креативщик! Говорит, в Яндексе работал, кристаллы расставлял на серверах — и сервера не падали месяц!

Замолкаю. Просто смотрю на него. Он воспринимает это как согласие.

— Завтра выходит! Познакомитесь! Всё, иди работай, техзадание скину!

Выхожу из кабинета. На рабочем месте меня уже поджидает Маша из бухгалтерии — женщина бальзаковского возраста, крашеная блондинка с идеальным маникюром и страстью к сплетням, которой позавидовала бы любая светская хроника.

— Ариш! — она подскакивает ко мне, стреляя глазами по сторонам. — Ты слышала про нового? Марк его зовут. Говорят, он на собеседовании карты Таро раскладывал! Прямо

на резюме! Сказал, что карты показали — он нам подходит!

— Маша, — вздыхаю я, включая компьютер. — Лишь бы код писал нормально. Мне плевать, на чем он гадает, хоть на кофейной гуще.

— А вдруг он сектант? — Маша округляет глаза. — Вдруг они тут всех завербуют? У меня дочка, между прочим!

— Маша, у дочки муж и двое детей, — напоминаю я. — Ей уже поздно в секту. Иди лучше отчеты доделай.

Маша обиженно уходит, но через минуту возвращается и подкладывает мне на стол конфету. «Нервы». Улыбаюсь. Маша — дура, но добрая.

Открываю техзадание. Читаю. «Приложение на основе нейросетей должно предсказывать вероятные сценарии конца света с точностью 99.9%. Использовать Big Data, машинное обучение и анализ глобальных трендов».

Смотрю в окно. Там моросит дождь. Мир катится в тар-тарары, но как-то вяло, без энтузиазма.

— Проще рандомайзер поставить, — бормочу под нос. — Будет выдавать «Бобро пожаловать в ад» каждый вторник. И точность 100%, потому что вторник — это уже маленький апокалипсис.

Костя-тестировщик, сидящий через ряд, оборачивается и поднимает большой палец.

— Арина, ты гений! Рандомайзер — это гениально! Я бы даже платил за такое!

— Костя, ты за «Вконтакте» платишь? — уточняю я.

— Ну...

— Вот и не лезь.

Костя обиженно отворачивается к монитору. Смотрю на часы. Пять часов вечера. До конца рабочего дня еще три, а сил уже нет. В наушниках играет что-то тяжелое, но даже металл не спасает от осознания, что завтра выходит новый коллега-шаман, а послезавтра мы должны начать писать код для предсказания конца света.

Жизнь, определённо, становится слишком сюрреалистичной даже для моего цинизма.

Печатаю в поисковике: «Как понять, что коллега — сектант?»

Гугл выдает ссылку на форум психологов. Закрываю. Вместо этого открываю техзадание и начинаю прикидывать архитектуру. Через час перед глазами плывет, и я разрешаю себе помечтать: если бы апокалипсис случился завтра, я бы даже не расстроилась. По крайней мере, не пришлось бы знакомиться с Марком.

За окном стемнело. Дождь сменился мокрым снегом. Фонари отражаются в лужах на парковке. В наушниках играет что-то тяжёлое, чтобы никто не отвлекал. Сижу, пишу код. Пальцы летают по клавиатуре, глаза горят. Дедлайн завтра. Код не компилируется уже три часа. В офисе тихо. Только гул серверной и редкие вздохи. Костя ушел час назад, бросив «Мне еще тесты гонять». Маша свалила с фразой «Дочка

звонит, внуки плачут». Осталась одна. И тишина. И дедлайн. И чувство, что жизнь удалась, если не обращать внимания на детали.

Внезапно кто-то трогает за плечо.

Подпрыгиваю так, что наушники летят на пол. Резко оборачиваюсь. Передо мной стоит Марк — лохматый, в клетчатой рубашке, с рюкзаком, увешанным значками. Чеширский кот, символ «Алисы в Стране чудес», значок «Я люблю Шекспира», ещё какой-то непонятный иероглиф и Йода. Улыбается во весь рот.

— Привет! Я Марк. Чувствую, у тебя тут энергетика тяжёлая. Дай поставлю кристалл на системник, полегчает.

Смотрю на него как на инопланетянина. Глаза сужаются.

— Ты трогать мой комп будешь — я тебе кристалл в одно место засуну. Без смазки.

Марк не обижается. Даже не морщится. Наоборот, смотрит с восхищением.

— О, у тебя мощная защита ауры! Так держать! Я сразу понял — с тобой интересно будет работать!

Он плюхается за соседний стол. До этого стол пустовал. Теперь начинает жить. Марк достаёт из рюкзака маленького дракончика — статуэтку, ставит на монитор. Достаёт пучок шалфея. Нюхает. Кивает. Достаёт ароматические палочки, фотографию Хокинга с подписью «Мой духовный наставник». Раскладывает всё это на столе с видом археолога, нашедшего гробницу Тутанхамона.

Закрываю лицо руками. Сажу так секунд десять. Потом убираю руки и смотрю в монитор. Код не компилируется. Жизнь боль.

— О, а это Костя? — Марк замечает тестировщика, который выполз из-за стойки серверной. — Привет! Слышал, ты тестировщик? А я Марк. Я в энергию верю. А ты?

Костя подходит ближе. Очки с толстыми линзами, взгляд заинтересованный.

— А расскажи про карты Таро! Правда работает? Я слышал, ты на собеседовании раскладывал!

Марк оживляется. Глаза горят.

— О, брат! Это целая система! Карты Таро — это же квантовая физика, только в картинках! Смотри, вот эта карта — «Башня». Это коллапс волновой функции! А «Колесница» — движение энергии по меридианам!

Костя слушает, раскрыв рот. Медленно встаю. Молча иду в туалет. В туалете включаю свет. Смотрю в зеркало. Из зеркала смотрит уставшая девушка с кругами под глазами и выбившейся прядью из вечного пучка.

— Арина, — шепчу своему отражению. — Держись. Это просто работа. Просто работа. Просто идиот с кристаллами. Ты это переживёшь.

Возвращаюсь. Сажусь за стол. Открываю код. И чувствую запах лаванды. Поворачиваю голову. Марк уже воткнул в розетку рядом с моим столом маленькую аромалампу. Чайная свечка горит, масло испаряется. Пахнет, как в спа-салоне,

только в окружении серверных стоек и ковролина с кофейными пятнами.

Открываю рот, чтобы высказать всё, что думаю об ароматерапии в рабочее время.

— Для продуктивности, — опережает Марк. — Ты же не против? У тебя третья чакра, кажется, заблокирована. Надо открывать.

Молча надеваю наушники. Делаю громкость на максимум. В ушах взрываются гитары. Код всё ещё не компилируется. Лаванда щиплет нос. Соседний стол живёт своей жизнью — Марк раскладывает кристаллы по радиусу, что-то напевая под нос.

В мониторе мелькает отражение. Смотрю на себя. И вдруг замечаю, что губы сами собой растягиваются в улыбку. Не потому, что смешно. А потому что абсурд происходящего перевалил все мыслимые пределы и вышел на новый уровень — уровень принятия.

— Марк, — говорю, не снимая наушников, но громко. Он оборачивается.

— Ау?

— Если твои кристаллы упадут на мою клавиатуру, я ими твои чакры почищу. Лично.

Марк улыбается ещё шире.

— Договорились! Это будет мощный энергообмен!

Вздыхаю. Возвращаюсь к коду. Где-то в глубине души шевелится мысль: «А может, не всё так плохо?» Но быстро её

давлю. Потому что с такими мыслями до добра не дойдёшь. Тем более в компании мужика, который верит, что шалфей лечит баги.

За окном метель. Настоящая, декабрьская, хотя ноябрь только начался. Глобальное потепление отдыхает. В офисе ни души. Кроме меня и Марка. Сажу в серверной — здесь теплее и тише. Гул оборудования действует успокаивающе, как белый шум. Дописываю алгоритм. Предсказание апокалипсиса научными методами? Пф. Просто генератор случайных чисел с умным лицом. Теория вероятностей, Big Data и немного шаманства — чем не стартап?

— Держи.

Над ухом возникает кружка с чаем. Подпрыгиваю. Марк стоит рядом — подкрался бесшумно, как ниндзя в клетчатой рубашке.

— Мятный, — поясняет он. — Для гармонии. У тебя пульс скачет, я слышал.

— Ты слышал мой пульс через гул серверов?

— Я слышу энергию, — загадочно отвечает Марк и садится рядом.

Делаю глоток. Чай реально вкусный. Мята, лимон, что-то ещё... Неужели этот человек умеет не только кристаллы раскладывать? Смотрю на него с подозрением.

— Слушай, — Марк заглядывает в монитор. Код для него явно иероглифы. — А почему бы просто не добавить

рандом? Ну, генератор случайных бедствий? Выдаёт каждое утро: «Сегодня вероятно: нашествие зомби, потоп или вторник». Все равно никто не проверит.

Тру переносицу. Очень хочется объяснить, почему так не работает. Очень. Но сил нет. Поэтому просто киваю.

— Гениально, Марк. Ты только что переизобрёл гороскопы.

— Правда? — он сияет. — Я всегда знал, что у меня таланты!

Сервер гудит громче обычного. Марк заглядывает за стойку, где паутина проводов переплетается в немыслимые узлы.

— О, а тут розетка свободная! — он лезет в рюкзак. — А можно я одну штуку подключу? Для красоты. Она светится красиво, будет как ёлочка!

Даже не оборачиваюсь.

— Подключай что хочешь. Только свет не выруби. И чтобы без пожаров.

Марк достаёт из рюкзака нечто. Краем глаза замечаю странный шар на подставке. Тёмный металл, руны, внутри мерцает синий свет. Он подключает это чудо к серверу через переходник USB. Шар загорается ярче.

— Во, красота! — довольно кивает Марк. — Как новогодняя игрушка! Теперь энергия будет циркулировать правильно!

Мельком оборачиваюсь. Шар пульсирует ровным синим светом. Ну мало ли ламп у гиков? У некоторых целые стой-

ки светодиодами увешаны. Отворачиваюсь обратно к монитору.

— Запускаю тестовый режим, — говорю вслух, больше себе.

На экране бегут проценты. 10... 30... 70... Марк садится рядом. Тесно в серверной, плечи почти соприкасаются. От него пахнет мятой и ещё чем-то древесным. Не кристаллами, видимо.

— Слушай, — тихо говорит он. — А у тебя глаза красивые. Особенно когда ты на код зришься.

Давлюсь чаем. Кашляю. Краснею. Стучу себя по груди.

— Марк, — хриплю. — Иди кристаллы перебирай. У меня дедлайн. И апокалипсис в тестовой среде.

— Апокалипсис подождёт, — философски замечает он. — А красота — вечна.

— Если ты сейчас не заткнёшься, твоя вечность наступит очень быстро.

Марк не обижается. Только улыбается своей дурацкой доброй улыбкой. Синий свет от артефакта мигает чаще. На экране высвечивается: «ТЕСТ ЗАВЕРШЁН. ВЕРОЯТНОСТЬ АПОКАЛИПСИСА: 99.9%». Смотрю на цифры. Потом на Марка. Потом на пульсирующий шар.

— Марк.

— А?

— Что это за хрень?

— Артефакт. С барахолки. Древний, говорят, Глаз Ра или

что-то такое. Проводник положительной энергии!

Закрываю глаза. Считаю до десяти.

— Ты подключил древний артефакт к серверу, на котором работает прогноз апокалипсиса.

— Ну да. Для усиления.

— Марк.

— А?

— Ты идиот.

— Это конструктивная критика или просто констатация факта?

Открываю глаза. Смотрю на него. Он смотрит на меня. И вдруг мы оба начинаем смеяться. Просто потому что ситуация настолько абсурдна, что плакать уже поздно.

— Ладно, — выдыхаю. — Пошли отсюда. Утро вечера мудренее. Завтра будем разбираться, что ты натворил.

— А вдруг это не я натворил, а мы вместе? — уточняет Марк, когда мы выходим из серверной.

— Ты подключал.

— Ты запускала тест.

— Ты идиот.

— Это ты уже говорила.

Закрываю серверную. Выходим в тёмный офис. За окнами метель. Марк идёт рядом и улыбается. Почему-то я тоже улыбаюсь. Наверное, от переутомления. Точно от переутомления.

Пять тридцать утра. За окном всё ещё темно, метель утихла, и тишина стоит такая, что уши закладывает. Вползаю в квартиру на автомате. Скидываю кеды прямо в прихожей. Куртку вешать сил нет — падает на пол. Добираюсь до дивана и рухаюсь лицом в подушку, даже не раздеваясь. Последняя мысль перед отключкой: «Кажется, я только что сломала реальность. Ну и ладно. Понедельник всё спишет».

Байт сидит на подоконнике. Сидит не как обычно — ослабленно, с чувством собственного достоинства. Он сидит и смотрит на меня. Изучающе. Так, как смотрят на подозрительный объект, который может быть опасен, а может быть просто мусором. Щурюсь в ответ сквозь подушку.

— Чего уставился? — голос звучит как у умирающей утки. — Рыбу во сне увидел?

Байт молчит. Просто продолжает смотреть. Ладно, плевать. Глаза закрываются сами. Проваливаюсь в сон.

...Но что-то не так. В комнате будто потрескивает. Воздух стал другим — плотнее, что ли? Обычно так пахнет перед грозой, озоном. Только грозы в ноябре не бывает. Да и откуда озону взяться в квартире с вечно закрытыми окнами?

Сплю дальше. Или пытаюсь.

Шорох. Байт спрыгнул с подоконника. Слышу, как его лапы мягко касаются пола, потом дивана. Он ложится рядом, прямо у моего лица, и продолжает смотреть. Открываю один глаз.

— Ты чего не спишь, живность?

И тут я замечаю. Его шерсть... светится. Слабо, едва заметно, но светится. Зеленоватое фосфоресцирующее свечение, как у старых часов с радиевым циферблатом. Тру глаза. Свечение пропадает.

— Байт, — шепчу в подушку. — Если ты светишься, я тебя в ночник превращу. Экономия на электричестве, понял?

Кот молчит. Но смотрит осуждающе. Так смотрят, когда ты сказал полную чушь, а спорить лень.

Закрываю глаза. Проваливаюсь глубже.

И снится мне сон. Серверная. Наш офис. Артефакт — этот дурацкий шар — пульсирует всеми цветами радуги. Марк стоит рядом с кристаллами в руках, ветки шалфея торчат из карманов, и говорит:

— Арина, это не баг, это фича! Пойми, это просто новая реальность!

— Пошёл ты со своими фичами! — ору я во сне. — Отключай это немедленно!

Но он не отключает. Он улыбается своей дурацкой улыбкой и начинает танцевать шаманский танец вокруг серверной стойки.

В реальности я дёргаюсь и чуть не падаю с дивана. Подушка мокрая от слюны. За окном всё ещё темно. Часы показывают шесть утра. Байт уже не рядом.

Слышу шорох на кухне. Приподнимаюсь на локте и вижу: кот сидит у розетки. Просто сидит и смотрит на неё. Потом медленно поднимает лапу и трогает. Разряд статическо-

го электричества — искра, треск. Байт дёргается, отскакивает, шерсть встаёт дыбом. Но не уходит. Садится обратно и снова смотрит на розетку. С явным, очень человеческим интересом.

— Байт, — хриплю я. — Ты чё творишь? Током хочешь убиться?

Кот медленно поворачивает голову. Смотрит на меня. Открывает рот — и издаёт звук. Не мяуканье. Нечто среднее между «м» и «я». Получается «м-м-м-я-а-а».

Замолкает. Смотрит удивлённо. Потом снова на розетку.

Я плююсь на кота. Кот пялится на розетку. В комнате тихо, только часы тикают.

— С ума сошла, — констатирую вслух. — Окончательно. Крыша поехала. Видимо, вчерашний чай с мятой был с чем-то покрепче.

Падаю обратно на подушку. Натягиваю одеяло до ушей. Засыпаю под звук того, как Байт снова пытается трогать розетку лапой.

Понедельник всё спишет. Точно спишет. Наверное.

!ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ БАГИ РЕАЛЬНОСТИ

Просыпаюсь от запаха кофе. Не от звуков, не от шорохов, а от запаха — густого, навязчивого, как в кофейне на углу, куда я бегаю по утрам, чтобы просто доползти до работы. Только это не кофейня. Это моя кухня. И моя кофемашина сломалась месяц назад. Я тогда поклялась купить новую, но ипотека, Байт со своим вискасом, кредит за ноутбук — руки так и не дошли. Семь пятнадцать. Воскресенье. За окном серый рассвет, по стеклу стекают капли вчерашнего дождя. Байт дрыхнет в ногах, развалившись звёздочкой, только хвост подёргивается — видит сны о вискасе. Или о моей смерти. С него станется.

Встаю, бреду на кухню. Запах становится сильнее. Заворачиваю за угол и застываю. Кофемашина работает. Вода булькает, коричневая жидкость капает в кофейник, пар поднимается к потолку. Идиллия. Кроме одной маленькой детали. Вилка не воткнута в розетку. Она лежит на столе. Аккуратненько, рядышком с кофемашиной. Провод тянется к прибору, а розетка пустая. Я проверяю — может, показалось? Нет. Пустая. Совсем.

Стою, смотрю на это чудо техники. Минуту, наверное. Мозг перебирает варианты: галлюцинации, розыгрыш, па-

раллельная реальность, я сошла с ума. Потом перевожу взгляд на стол. Там сидит Байт. Рядом с ним — открытая пачка пармезана. Итальянского. С надписью «Parmigiano Reggiano» и маленьким итальянским флагом. Такая в нашем магазине у дома стоит как половина моей дневной зарплаты. Байт смотрит на меня. Я смотрю на Байта. У него на морде написано: «Ну да, я. И что ты сделаешь?» Один ус, как всегда, торчит вбок. Предательски.

— Байт, — мой голос звучит подозрительно спокойно. — Ты умеешь открывать холодильник. Я это знаю. Ты умеешь перекусывать провода. Я это тоже знаю. Но скажи мне, пожалуйста, ты умеешь заказывать сыр из Италии? Через какой сервис? Доставка в семь утра работает?

Байт молчит. Но в зелёных глазах пляшут чертики. Я их вижу. Они там пляшут канкан.

Наливаю кофе. Кофе как кофе. Нормальный. Даже вкусный. Пью, не отрываясь, полчашки. Потом ещё полчашки. Кофеин бодрит, мозг включает логику: всё хорошо, я сплю, это просто очень реалистичный сон.

Иду умываться. Открываю кран. Из крана течёт голубое. Жидкость цвета ультрамарина. Светится слабо, но светится. Пахнет озоном и мятой. Как жевательная резинка, только жидкая. Подставляю ладони — холодная. Переливается, искрится. Красиво. Страшно. Закрываю кран. Открываю снова. Вода прозрачная. Обычная. Из крана течёт обычная вода.

Смотрю в зеркало. Оттуда на меня смотрит бледная деви-

ца с кругами под глазами, выбившейся прядью и диким выражением лица.

— Арина, — говорю я ей. — Ты вчера пила? Нет. Ты курила? Нет. Ты просто переработала. Устала. Вот и кажется. Всё нормально. Кофе без электричества — это магия, а магии не бывает. Голубая вода — это глюки, а глюки бывают от усталости.

Иду на кухню, допиваю кофе. Байт трётся о ноги, требует внимания, хочет, чтобы его почесали. Наклоняюсь и замечаю. Кот стоит задом наперёд. Голова смотрит на меня. Задние лапы — в противоположную сторону. Туловище вывернуто, как у змеи, хотя у котов так не бывает. Не бывает. Совсем. Моргаю. Раз. Другой. Третий. Кот разворачивается. Нормально. Обычный пепельный котяра с наглой мордой стоит как положено.

— Байт, — говорю я строго. — Если это шутка — она не смешная.

Кот отворачивается и начинает вылизывать лапу. Но в том, как дёргается кончик хвоста, читается: «Смешная. Ещё какая смешная».

Одеваюсь. Хватаю сумку. Ключи, телефон, наушники — ничего не забыть. Уже в дверях оборачиваюсь попрощаться. Байт сидит на тумбочке. Смотрит на меня. Открывает рот. Издаёт звук. Не мяуканье. Нечто среднее между «м» и «я», с булькающим придыханием, будто он пробует голосовые связки в первый раз.

— М-м-м-я-я-а-а...

Замолкает. Смотрит удивлённо. Потом снова пробует:

— Мя... а...

Получается «мяу». Обычное, кошачье.

— Доброе утро, — говорю я коту. — Весёлое у нас утро.

Закрываю дверь. Спускаюсь по лестнице. На улице моросит дождь. В голове шумит кофеин. И мысль, которую я отгоняю: «А что, если это не сон?»

Захожу в офис и сразу понимаю: день будет странным. Марк уже на месте. Сидит на своем стуле в позе лотоса. Стул на колесиках, он периодически уезжает в сторону, но Марку плевать. Он сидит с закрытыми глазами, руки на коленях, и напевает «Ом-м-м».

— О! — открывает он глаза, услышав мои шаги. — А у тебя аура сегодня зеленая! Это к деньгам или к апокалипсису?

— Это к недосыпу, Марк.

Сажусь за стол. На столе лежит открытка. Внутри корявым почерком: «Спасибо, что ты есть. Твой код вчера меня вдохновил на стихи. Хочешь, прочитаю?» Подпись — Марк. Рядом пририсован кристалл и сердечко.

Прячу открытку в стол. Быстро. Чувствую, что краснею. Надо срочно сделать вид, что меня это бесит. Потому что это правда бесит. Немного. Совсем чуть-чуть.

— Идиотизм какой-то, — шепчу под нос, но почему-то

улыбаюсь.

В офис влетает Костя. Глаза по пять копеек, волосы дыбом.

— Народ! Вы новости видели?! — орет он с порога. — У нас в городе дракона видели! Над промзоной пролетал! В прямом эфире!

Маша высовывается из-за монитора. Лицо бледное, на груди крестик болтается — успела нацепить.

— Господи, к войне это. Или к революции. В прошлый раз, когда НЛО видели, доллар подскочил, а у меня депозит как раз заканчивался!

Марк оживляется окончательно, спрыгивает со стула:

— Круто! Я всегда знал, что они существуют! А какого цвета? Огнедышащий? Чешуя блестит?

— Не знаю! — Костя размахивает телефоном. — В тиктоке видео зависло на самом интересном месте, но все пишут — дракон! Настоящий!

— Костя, — вздыхаю я, даже не поворачиваясь. — Это, скорее всего, дрон. Или массовая галлюцинация. Или фейк. Хеллоуин же был недавно.

— Арина, ну какой дрон? — Костя подбегает ближе, тычет телефоном мне в лицо. — Там крылья! Настоящие! И пасть! И из пасти дым!

— У дронов тоже бывает пасть, если дизайнер-энтузиаст постарался.

Марк подходит к окну и вдруг замирает.

— Ребята... — голос у него странный. — Идите сюда.

Все подходим к окну. Вдалеке, над промзоной, действительно парит что-то большое. С крыльями. Оно не машет ими, просто парит, планирует, как огромная птица. Только птиц такого размера не бывает. Солнце блестит на чешуе. Зеленой, изумрудной, с золотистым отливом.

Я замираю с открытым ртом. Марк довольно хлопает меня по плечу.

— А говорила — галлюцинация, фейк. Ты просто не веришь в магию, Арина. А магия — она вот она, смотри!

Маша крестится уже без остановки, бормочет «Отче наш». Костя снимает на телефон, подпрыгивая, чтобы поймать ракурс получше.

— Это же сколько просмотров будет! — вопит он. — Я миллионник соберу!

— Костя, — шиплю я, — ты вообще соображаешь? Это дракон. Настоящий. Живой. А не контент для тиктока.

— Тем более! Живой дракон — это эксклюзив!

Смотрю на них, на дракона вдалеке, на Марка с его счастливой улыбкой. В голове что-то щёлкает.

Отворачиваюсь от окна. Иду в серверную. Надо проверить логи. Просто чтобы успокоиться. Чтобы доказать себе, что мир не сошёл с ума.

Захожу внутрь и застываю.

Артефакт, который Марк подключил вчера, пульсирует. Ярче, чем ночью. Синим, ритмично, как сердце, только быст-

рее. А вокруг него в воздухе висят маленькие голограммы. Цифры, буквы, знаки вопроса. Они кружатся, как снежинки, сталкиваются друг с другом, переливаются.

Одна из голограмм подлетает ближе. На ней надпись: «ERROR 418: I'M A TEAPOT».

Сглатываю. Шуточный HTTP-код. Ошибка «я чайник». Обычно его используют для приколов в API. Но здесь, сейчас, в серверной, где от древнего артефакта исходит синее свечение, это не смешно. Это даже не странно. Это страшно.

— Марк, — зову не своим голосом. — Иди сюда. Быстро.

Марк заходит, видит пульсирующий шар, видит голограммы, и — о боже — расплывается в счастливой улыбке.

— О, работает! — хлопает он в ладоши. — А я думал, меня на барахолке обманули! Дядька в телогрейке сказал — древний артефакт, усилитель сигнала, проводник положительной энергии! Я ещё подумал — впаривает старьё, но светится красиво, взял.

Хватаюсь за голову. Волосы лезут в руки, пучок разваливается окончательно.

— Ты идиот! — голос срывается на фальцет. — Это не усилитель! Это... это... я даже не знаю, что это! Но оно точно не для USB!

Подхожу к серверу, вбиваю команды, лезу в логи. Экран мигает, выдаёт отчёт за ночь.

«99% — появление драконов в районе промзоны».

«87% — повышение налоговой нагрузки на магических существ».

«100% — кот будет говорить».

Медленно поворачиваюсь к Марку. Он стоит, задрав голову, и рассматривает голограммы. Одна из них — с надписью «LOVE» — кружится вокруг его головы.

— Марк. Это ты вчера подключил эту хрень, когда я запускала тест?

— Ну да. Для энергетики. Я же говорил.

Закрываю глаза. Считаю до десяти. До двадцати. До тридцати. Не помогает.

— Марк. Слушай сюда. Алгоритм, который я написала — это генератор случайных чисел на основе теории вероятностей. Понимаешь? Он не предсказывает будущее. Он просто придумывает варианты. Рандом.

— Понимаю, — кивает Марк. — Типа рандомайзер, как в играх, где шмот выпадает.

— Да. Но когда этот рандомайзер сталкивается с магическим артефактом, подключённым через USB, он может стать не просто предсказателем.

Делаю глубокий вдох.

— Он может стать ГЕНЕРАТОРОМ реальности. Понимаешь, Марк? Мы не предсказываем апокалипсис. Мы его СОЗДАЁМ.

Марк задумывается. Чешет затылок. Смотрит на артефакт, на меня, снова на артефакт. Голограмма с надписью

«LOVE» всё ещё кружится вокруг его головы, он отмахивается от неё, как от мухи.

— Круто, — наконец выдаёт он. — А можно я тогда загадаю, чтобы в офисе бесплатный кофе появился? Нормальный, зерновой, а не эта растворимая бурда. А то автомат дорогой, а я без кофе медитировать не могу.

Я ору.

Минуты две, наверное. Использую все технические термины, которые знаю, и даже те, которые не знаю. Матерюсь как сапожник. Объясняю на пальцах, на графиках, на примерах из жизни. Марк слушает. Кивает в такт. Когда я замолкаю, он говорит:

— Слушай, но если мы это создаём, значит, мы можем и откатить? Ну, типа баг исправить? Ты же айтишница. Сделай роллбэк.

Замолкаю.

— Роллбэк... — повторяю медленно. — Точно! Надо откатить систему к точке до подключения!

Смотрим друг на друга. Впервые за всё время — настоящее понимание. Командная работа.

Лезу в логи, ищу точку восстановления. Марк стоит рядом, дышит в затылок. Мешает.

— Отойди, — бурчу я. — Ты мне энергетику ауры сбиваешь.

Марк замирает. Потом расплывается в улыбке:

— О! Уже шутишь как я! Прогресс! Арина, ты растёшь!

Не выдерживаю. Смеюсь. Впервые за долгое время. Марк подхватывает. Мы стоим в серверной, вокруг летают голограммы с ошибками, артефакт пульсирует синим, а мы ржём как ненормальные, утирая слёзы.

— Ладно, — выдыхаю я. — Пошли отсюда. Утро вечера мудренее. Завтра будем разбираться, что ты натворил.

— А вдруг это не я натворил, а мы вместе? — уточняет Марк, когда мы выходим.

— Ты подключал.

— Ты запускала тест.

— Ты идиот.

— Это ты уже говорила.

Выходим с Марком на улицу. Я — подышать, потому что в серверной душно и от голограмм уже рябит в глазах. Марк — «медитировать с сигаретой», как он это называет. На деле просто смолит одну за другой и пускает кольца, глядя в небо. Солнце светит, холодный ветер треплет волосы, забирается под куртку. На парковке ни души. Только машины, припорошённые снегом, и одинокий голубь, который что-то клюёт под колёсами припаркованной Тойоты.

Голубь вдруг встрепенулся и улетел. Резко, будто его кто-то спугнул. Секундой позже я понимаю почему. Грохот. Настоящий, как при звуковом ударе, только сильнее. Воздух вздрагивает, меня прижимает к стене, Марк роняет сигарету. На парковку приземляется ДРАКОН. Чешуя зелёная, изу-

мрудная, с золотистым отливом. Размером с микроавтобус. Голов три. На длинных шеях, как у плезиозавра, только с гребнями. Он складывает крылья — это звучит как хлопок огромного брезента — и оглядывается по сторонам. С видом: «Ну и где тут у вас парковка для VIP?»

Телефон выскальзывает из рук и падает в сугроб. Я даже не нагибаюсь. Марк делает шаг вперёд. Улыбается во весь рот, как ребёнок, увидевший Деда Мороза.

— Здорово! Ты настоящий? А можно потрогать? А как тебя зовут? А ты умеешь огнём дышать?

Центральная голова поворачивается к нему. Глаза огромные, жёлтые, с вертикальным зрачком. Пасть чуть приоткрывается, и оттуда вылетает облачко пара. Голос басовитый, с хрипотцой, как у старого курильщика, только усиленный динамиком.

— Молодой человек, не подходите близко. Я ещё парковку не оплатил, штраф выпишут. А у меня с пенсией и так проблемы — три головы, сами понимаете, расходов больше.

Я замираю. Дракон говорит. Дракон шутит про штрафы. Дракон беспокоится о пенсии. Подхожу ближе. На всякий случай держу перед собой телефон — то ли звонить, то ли снимать, то ли защищаться. Дракон осматривает парковку. Одна голова — та, что справа — клюёт носом, пытаюсь спать прямо на ходу. Вторая, левая, держит в лапе телефон и что-то там листает, периодически икая.

— Слушайте, — говорит центральная голова. — А где тут

у вас гнездовья? Я вообще по объявлению. Слышал, в этом районе драконам льготы обещали. Социальные.

— Какие льготы? — выдавливаю я.

— Ну, — он кивает на спящую голову, — на иждивенцев. Три головы — три иждивенца. Налоговый вычет положен, субсидии на коммуналку. Я вообще на пенсию собирался, а тут кризис, ипотека, дети...

— Дети? — переспрашивает Марк.

— Ну, — дракон снова кивает на головы. — Они. Одна спит постоянно, вторая в телефоне сидит. А мне их корми, пои, налоги за всех плати.

Из офиса высыпают все. Маша — с крестиком на шее и сковородкой в руках. Костя — с телефоном наперевес, снимает. Начальник — с выпученными глазами и открытым ртом. Из окон соседних зданий тоже выглядывают люди.

— Это наш пиар-ход?! — орёт начальник с крыльца. — Молодцы! Быстро среагировали! Но кто разрешение брал?! С мэрией согласовывали?!

Дракон смотрит на начальника, потом на меня.

— А ваш босс всегда такой нервный? У нас в стае тоже такой вожак был, его потом... ну, вы поняли. Съели. Не со зла, просто характер тяжёлый.

Он пробует присесть на крышу припаркованной Тойоты. Машина проседает с жалобным скрипом, подвеска не выдерживает. Срабатывает сигнализация — «уиу-уиу-уиу» на всю парковку. Дракон испуганно подпрыгивает, чуть не за-

дев крылом фонарный столб.

— Ой, извините! — три головы разом поворачиваются к машине. — Я не специально! Это у меня рефлекс — на блестящее садиться. Мы, драконы, к сокровищам тянемся, а машины блестят...

Я закрываю лицо руками. Марк рядом хохочет — искренне, заливисто, до слёз.

— Арина, — выдавливают он сквозь смех. — Ты только посмотри... Это же... это же...

— Я вижу, Марк. Я всё вижу.

Дракон окончательно устраивается на асфальте, поджав лапы. Левая голова отрывается от телефона:

— Кеш, а тут вайфай ловит? Мне в инстаграм выложить надо, как мы приземлились. А то подписчики заждались.

— Ловит, — отвечает центральная. — Только роуминг дорогой.

Третья голова просыпается:

— Есть давайте. Я есть хочу. Когда там обед?

Дракон по имени Кеша вздыхает. Вздыхают все три головы хором. Получается мощно, с лёгким заревом из пастей.

— Вот так и живём, — философски замечает он.

— Иннокентий Павлович, — вдруг говорю я, сама не знаю зачем.

— А? — центральная голова поворачивается ко мне.

— Вас же Иннокентий Павлович зовут?

— Ну да. А это — Спящая и Читающая, — он кивает на

головы. — Но они не разговаривают почти. Одна спит, вторая в телефоне.

Марк подходит ближе, протягивает руку:

— А меня Марк зовут. А это Арина. Мы тут работаем. Можно просто Кеша?

— Можно, — дракон пожимает ему лапу. Осторожно, двумя когтями. — Приятно познакомиться. А угостить меня чем-нибудь не хотите? А то с утра не жрамши.

Начальник мечется по переговорке, как тигр в клетке. Мы с Марком сидим на стульях, стараясь занимать как можно меньше места.

— Вы понимаете, что у меня теперь на парковке дракон?! — орет Игорь Викентьевич. — Штраф за стоянку в неположенном месте! За неуплату транспортного налога! За... за все! А если он памятник архитектуры? А если он красно-книжный? А если он занесен в реестр опасных животных?!

Пытаюсь вставить слово:

— Игорь Викентьевич, это не наш дракон. Он сам прилетел. Мы его не заказывали, не нанимали, не приманивали...

— А чей?! — начальник останавливается и тычет пальцем в окно. — Соседний офис говорит, что наш! Потому что он на НАШУ парковку сел! На нашу! Теперь мы за него отвечаем!

Марк пытается объяснить про артефакт, про приложение, про случайность. Начальник не слушает. Он считает убытки,

шевелия губами и загибая пальцы.

В окно стучат. Все разом поворачиваемся. Там — голова дракона. Та, что говорит. Она держит в зубах листок бумаги. Марк открывает окно, дракон просовывает листок.

— Вот, — говорит он с достоинством. — Жалобу написал. А то у вас тут парковка не оборудована, гнездовый нет, лавок с овцами тоже. Куда смотрит администрация? Я пенсионер, между прочим, мне условия нужны.

Начальник читает жалобу. Там корявым почерком, с ошибками, но строго по форме:

«Заявление. Я, дракон трёхголовый, Иннокентий Павлович, 1452 года рождения, требую предоставить социальные гарантии и налоговые льготы для мифических существ. Приложение: справка о наличии трёх голов (нотариально заверенная)».

— Откуда справка? — шепотом спрашиваю у дракона.

— Ночью слетал к знакомому гному, он заверил. У него печать есть. Не спрашивайте какая.

Смотрю на Марка. Марк смотрит на меня.

— Твоё предсказание про налоги, — говорю я. — Сбылось.

— Ну, я ж говорил — энергетика, — пожимает плечами Марк. — Вселенная слышит.

Начальник падает на стул. Лицо у него серое.

— Я увольняюсь. Иду в дворники. Там тихо. Никаких драконов.

— Игорь Викентьевич, — говорю как можно спокойнее.
— Мы всё починим. Нам нужна флешка с бэкапом за субботу. До подключения артефакта. Сделаем откат системы, и дракон, возможно, исчезнет. Или не исчезнет. Но попытаемся.

Марк лезет в рюкзак. Долго роется, перебирает какие-то кристаллы, блокноты, флешки. Наконец достает одну. И она мокрая. С подтеками чая.

— Я её как подставку под кружку использовал, — виновато говорит Марк. — Чай пролил вчера. Извините.

Закрываю глаза. Молча. Долго.

С улицы доносится голос дракона:

— А где тут у вас МФЦ для драконов? Мне на учёт встать надо. И заявление на ипотеку подать. Слышал, молодым драконам дают.

Медленно сползаю по стене и сажусь на пол. Марк садится рядом. Через минуту рядом с нами оказывается начальник. Мы сидим втроем на полу переговоров и смотрим в одну точку.

— Ничего, — говорит Марк. — Прорвемся. Главное — не паниковать.

— Я не паникую, — отвечаю я. — Я просто жду, когда проснусь. Это же сон. Должен быть сон.

Дракон за окном чихает. Из его пасти вылетает маленькое облачко дыма. Пожарная сигнализация в офисе радостно включается.

— Это не сон, — вздыхает начальник. — Это, мать его, новая реальность.

Сидим дальше. Втроем. Под вой сирены. За окном дракон пытается подружиться с пожарными, которые уже подъехали. Один из них протягивает ему яблоко. Дракон берет тремя головами сразу и жует, довольно чавкая. Жизнь налаживается. Кажется.

!ГЛАВА 3. НАЛОГОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ ДЛЯ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ

Восемь тридцать утра. За окном пасмурно, низкие тучи цепляются за крыши соседних зданий. На парковке всё ещё сидит дракон. Спит, свернувшись кольцом вокруг фонарного столба, укрывшись крылом, как одеялом. Одна голова торчит наружу и похрапывает — мелкие язычки пламени вылетают с каждым выдохом.

Захожу в офис с большим стаканом кофе из кофейни. Домашний кофе сегодня опять сварился сам, и я побоялась его пить. После вчерашней голубой воды из-под крана — себе дороже.

Марк уже на месте. Сидит с закрытыми глазами, напевает «Ом-м-мм». Рядом дымится аромалампа, на столе разложены кристаллы по радиусу.

Ставлю кофе на стол. Марк, не открывая глаз, тянет носом воздух.

— О, у тебя кофе с собой? Чувствую — энергетика бодрости. А можно я его заряжу? У меня сегодня кристаллы особенные, розовый кварц для привлечения...

— Марк, если ты подойдешь к моему кофе с кристаллами, я заряжу тебе этим кофе промежность. Кипятком.

Марк открывает глаза, смотрит с уважением.

— Агрессивная защита ауры — это хорошо. Так держать.

Подхожу к окну. Дракон проснулся и теперь пытается умываться лапой, как кот. Выглядит это одновременно величественно и нелепо. Он постоянно заваливается набок — три головы тянут в разные стороны, и координация страдает.

— Марк, — зову я. — Твой друг умывается. Похоже на синхронизацию трёх несогласованных баз данных.

Марк подходит, встаёт рядом.

— Красавец какой... А третья голова опять спит. Она вообще когда-нибудь бодрствует?

— Наверное, у них график посменный.

Вбегает Маша из бухгалтерии. Бледная, глаза по пять копеек, в руках трубка — она всё ещё держит её, забыв положить.

— Девочки! Мальчики! — голос срывается на визг. — Там налоговая звонит! Они спрашивают, есть ли у нас в штате мифические существа! Им из мэрии сигнал поступил! Говорят, дракона видели на нашей парковке!

Медленно поворачиваюсь к Марку.

— Твоё предсказание про налоги обретает плоть, — говорю я. — Буквально.

— Ну, я ж говорил — энергетика, — пожимает плечами Марк. — Вселенная слышит. Надо было сразу кристаллы на денежный поток ставить.

Из кабинета вылетает начальник. Рубашка наполовину за-

правлена, галстук криво завязан, на лбу испарина.

— Так! — орёт он на ходу. — Никого нет! Мы ничего не знаем! Дракон — это... это пиар-акция! Мы его арендовали! На один день! Пусть звонят в рекламное агентство!

В окно стучат. Все замираем. Там — голова дракона. Та, что говорит. Она прижалась носом к стеклу, смотрит внутрь.

— Извините, — доносится приглушённое. — Я тут услышал про пиар-акцию. А гонорар предполагается? Мне бы на коммуналку собрать. За газ, понимаете, пришло — три головы, три счётчика...

Марк подходит к окну, открывает. Дракон просовывает голову внутрь, оглядывает офис с любопытством.

— Иннокентий Павлович, — говорит Марк. — А вы в курсе, что налоговая вами интересуется?

Дракон вздыхает. От его вздоха стекла вибрируют, бумаги на столах шевелятся.

— Ой, не напоминайте. Я ещё с 2008 года не платил, когда в последний раз прилетал. Тогда ещё думал — временно, перекантуюсь. А теперь вон оно как. Пеня, наверное, огромная... И штрафы... Может, мне как многодетному? У меня три головы, считайте, три ребёнка. Только они уже взрослые, а всё на моей шее сидят.

— Кто сидит? — доносится сонный голос спящей головы.

— Ты сидишь, — отвечает центральная. — Спи давай.

— А-а-а... — и снова храп.

Начальник медленно сползает по стене и садится на пол.

Маша крестится. Костя снимает на телефон из-за угла.

— Игорь Викентьевич, — говорю я. — Может, чаю?

— Водки, — хрипит начальник. — Мне водки. И билет в один конец. Куда глаза глядят.

Десять пятнадцать. В серверной по-прежнему жарко, гудит оборудование, пахнет нагретым пластиком и озоном — тот особый запах, который въедается в волосы и одежду так, что потом не выветривается до самого вечера. Артефакт пульсирует ровным синим светом — уже без голограмм, просто мерцает, как большой светодиод, который забыли выключить. Стою перед ним, скрестив руки на груди, и пытаюсь придумать план. Марк заглядывает из-за плеча, дышит в затылок.

— Может, его просто выдернуть? — предлагает он. — Как флешку, без извлечения. Ну, знаешь, когда уже всё равно, лишь бы работало?

— Ты представляешь, что будет, если мы его выдернем? — даже не оборачиваюсь. — Вдруг всё, что он нагенерил, останется, а управление пропадёт? И дракон останется, и налоги на магию, и кот говорящий? Или, наоборот, дракон исчезнет, но вместе с половиной города?

— А кот разве говорит? — Марк удивлённо поднимает брови.

— Пока нет, но в прогнозе было сто процентов. И если мой кот заговорит, я тебя лично скормлю ему вместо виска-

са.

Марк протягивает руку к артефакту. Бью его по руке — ладонь звонко шлёпает по запястью.

— Не трогай!

— Я просто хотел энергетика считать, — обиженно потирает он ушибленное место. — У меня кристалл есть специальный, для диагностики. Розовый кварц, он на магические аномалии реагирует. Если посинеет — значит, опасность.

— Твоя энергетика уже привела дракона на парковку, заинтересовала налоговую и испортила флешку с бэкапом. Всё, я сама. Сиди в углу и молись своим кристаллам.

Марк послушно отходит к стене, но продолжает сверлить артефакт взглядом. Достая ноутбук, подключаюсь к серверу через консоль. Пальцы бегают по клавиатуре, вбиваю команды одну за другой. Пытаюсь найти процесс, связанный с артефактом. Система тормозит, подвисает, потом выдаёт логи.

Логи — полный треш.

Сплошные иероглифы, похожие на древнеегипетские, перемежающиеся надписями на латыни и эмодзи. Куча смайликов — плачущие, смеющиеся, козявки, огонь. Среди всего этого безобразия торчат обрывки технических терминов на английском, но они перевёрнуты вверх ногами.

— Марк, — зову я, не оборачиваясь. — Иди посмотри. Тут написано «Per aspera ad astra» и смайлик-козявка. Кто это писал, римский легионер с телефоном?

Марк подходит, заглядывает в экран, щурится, поправляя-

ет воображаемые очки.

— Может, это артефакт так общается? — предполагает он. — Типа, через тернии к звёздам, а смайлик — это он про нас? Мол, мы козявки, но стараемся? Или это он про дракона? Козявка же маленькая, а дракон большой...

— Марк, заткнись, пожалуйста. Я пытаюсь мыслить логически.

— Но ты же сама позвала!

— Я позвала тебя смотреть, а не комментировать.

Марк обиженно замолкает. Я снова вбиваю команды. Система выдаёт новую порцию иероглифов. Теперь к ним добавились картинки — маленькие, пиксельные, явно из игр девяностых. Танк, привидение, пальма.

— Это «Тетрис», — уверенно заявляет Марк. — Я узнаю. Там ещё змейка была.

— Откуда в серверных логах «Тетрис»?!

— Ну, артефакт же древний. Может, он в девяностых подзаряжался?

Закрываю лицо рукой. Сижу так секунд десять. Потом убираю руку, глубоко вдыхаю, выдыхаю.

— Марк, у меня идея.

— Какая?

— Давай спросим у Иннокентия Павловича.

Марк смотрит на меня с неподдельным удивлением. Глаза становятся круглыми, брови ползут вверх.

— Ты хочешь спросить у дракона, как отключить маги-

ческий артефакт, который мы подключили к серверу через USB? У дракона, который три часа назад приземлился на парковку и сейчас требует социальные гарантии?

— Ну да. Логично же.

— Арина, — Марк расплывается в улыбке до ушей. — Ты становишься человеком. Настоящим. Раньше ты в магию не верила, кристаллы мои высмеивала, ауру не чувствовала. А теперь готова советоваться с драконом. Я горжусь тобой. Это энергетический рост!

— Не обольщайся, — отворачиваюсь обратно к монитору. — Просто других идей нет. Айтишники в таких ситуациях гуглят, но в гугле ответов на вопрос «как отключить древний артефакт, подключенный к серверу» почему-то нет.

— Так гугл же не магический, — резонно замечает Марк. — Надо было в «Яндексе» спрашивать, у них магии больше.

— Марк.

— Что?

— Иди зови Кешу.

Марк радостно бежит к двери, но на пороге останавливается.

— А ты пока с артефактом поговори. Установи контакт. Может, он откликнется на доброе слово. Попробуй спеть ему или кристаллы разложи, у меня в рюкзаке есть запасные.

— Если ты сейчас не уйдёшь, я разложу кристаллы в твоём кишечнике.

Марк исчезает. Слышно, как он бежит по оупенспейсу,

что-то радостно напевая. Остаюсь одна в серверной. Смотрю на артефакт. Артефакт пульсирует в ответ.

— Ну и что ты такое? — шепчу я. — Как тебя отключать? Что тебе надо?

Артефакт мигает сильнее. На экране ноутбука появляется новая строка. Крупно, жирным шрифтом:

«ERROR 404: ANSWER NOT FOUND. TRY AGAIN LATER».

И смайлик. Плачущий.

— Издеваешься, — говорю я. — Ещё и матерится цифрами.

С улицы доносится гулкий голос Кеши:

— А чё, позвали? Я иду, иду! Только крылья сложу, а то в дверь не пролезу!

Вздыхаю. Смотрю на потолок. Там, на вентиляционной трубе, сидит маленькая голограмма — та самая, с ошибкой 418. Она машет мне рукой.

— Жизнь, — говорю я ей. — Удалась.

Одиннадцать сорок. Солнце пробивается сквозь тучи тонкими лучами, на асфальте блестят лужи после ночного дождя. Выходим с Марком на парковку. Кеша сидит, поджав лапы, и пытается читать газету. Центральная голова держит её, стараясь не порвать когтями, боковая — та, что обычно спит — проснулась и тоже пытается читать, заглядывая через плечо. Третья, с телефоном, дремлет, уронив трубку в

траву.

— О, соседи! — центральная голова поднимается при нашем приближении. — А я тут узнал из прессы, что пенсионный возраст опять подняли. Возмутительно! Я три тысячи лет, между прочим, летал, дышал огнём, замки разорял, принцесс пугал — а мне говорят, стажа не хватает. Трёх головам не хватает, представляете?

Марк подходит ближе, садится на корточки, чтобы быть на одном уровне.

— Кеш, это Арина. Она программист. У нас проблема с артефактом. С тем самым, который мы в серверную воткнули.

Дракон прищуривается. Огромный жёлтый глаз с вертикальным зрачком разглядывает меня с интересом.

— С каким артефактом? Не с Глазом Ра, случайно? — голос звучит подозрительно спокойно.

— Вы знаете про него? — удивлённо переспрашиваю я.

Дракон вздыхает. Все три головы вздыхают хором — получается мощно, с лёгким заревом из пастей.

— Это ж наш, драконий. Мы его тысячу лет назад потеряли. Думали, в музей сдали, в Эрмитаж или куда там. А он, оказывается, у вас. С USB-входом? — он качает головой, чешуя переливается на солнце. — Дожили. Драконьи реликвии теперь через переходники подключают.

Боковая голова, та, что с телефоном, встречается:

— Я же говорила, надо было патентовать. Ещё в средние

века. Теперь кто-то наживается на нашем историческом наследии. Может, подать в суд?

— На кого? — спрашивает центральная. — На себя? Сами виноваты — плохо следили.

Подхожу ближе, объясняю ситуацию. Артефакт, подключение, приложение для предсказания апокалипсиса, сбой, дракон на парковке. Кеша слушает внимательно, кивает всеми головами по очереди.

— Ну, — говорит он, когда я заканчиваю. — Стандартная фигня. Глаз Ра исполняет желания, но через жопу. То есть через то, что вы ему скормили. Это как джинн, только без бутылки и с плохим чувством юмора. Вы его к чему подключили?

— К серверу с прогнозом апокалипсиса.

Дракон смеётся. Смех звучит как камнепад в горах — гулко, раскатисто, с эхом.

— Ну так вы сами напросились! Теперь всё, что предскажете — сбудется. Хоть драконы, хоть налоги, хоть говорящие коты. Пока артефакт не отключите правильно.

— А как правильно? — спрашиваю я, чувствуя, что ответ мне не понравится.

Центральная голова открывает рот, но третья — та, что дремала — просыпается и внезапно выдаёт:

— Надо провести ритуал отката. Полнолуние, кровь девственницы, три раза обойти вокруг сервера с петухом. И мантру прочитывать. Я вчера в интернете видела.

Центральная голова бьёт третью лапой по затылку. Звук глухой, но весомый.

— Не слушай её, — говорит она устало. — Она спит постоянно, ей сны снятся, а она их за реальность выдаёт. В прошлый раз утверждала, что мы выиграли в лотерею. Проснулась — проиграли, конечно.

— А на самом деле? — уточняет Марк.

— На самом деле надо просто выдержать в момент, когда энергия на нуле. А энергия на нуле, когда ничего не предсказывается. То есть когда сервер спит.

Смотрю на Марка. Марк смотрит на меня.

— Выключить сервер ночью, — медленно проговариваю я. — Просто выключить.

— А потом включить обратно? — уточняет Марк.

— Потом включить, но без артефакта.

Дракон кивает одобрительно. Даже спящая голова кивает, хотя и не просыпаясь.

— Вот видите, — говорит Кеша. — Сами додумались. А вы говорите — магия. Магия — это просто физика, которую никто не объяснил. Ну, или плохо объяснили. У нас в стае был один дракон, который пытался летать без крыльев, потому что «магия должна поднять». Магия не подняла. Физика подвела.

— И что с ним стало? — спрашивает Марк.

— Ничего. Упал. С тех пор летает только с крыльями. Магия — это хорошо, но технику безопасности никто не отме-

нял.

Смотрю на дракона с уважением.

— Иннокентий Павлович, — говорю я. — А вы откуда всё это знаете?

— Три тысячи лет, дочка, — он улыбается, насколько дракон может улыбаться. — Чему-то научишься. Я, между прочим, в молодости неплохим магом считался. Пока не понял, что проще крыльями махать, чем заклинания учить.

— Кеш, — встречает Марк. — А ты нам поможешь? Ночью, с отключением?

— А чего ж не помочь? — дракон пожимает плечами. — Посижу, посторожу. Если что — подстрахую. Только чур, я потом в окно залезу — посмотреть, как это делается. Интересно же, как вы, люди, с магией справляетесь.

— Договорились, — киваю я.

— И, — Кеша задумчиво чешет подбородок когтем. — Вы там это... если получится... может, замолвите словечко в мэрии? Насчёт льгот. А то три головы кормить, сами понимаете. Одна овец хочет, вторая рыбу, третья вообще вегетарианец — фрукты подавай. Бюджет трещит по швам.

Марк хлопает дракона по лапе:

— Кеш, ты теперь свой. Всё будет.

Дракон довольно щурится. Солнце отражается в его чешуе, разбрасывая зайчики по всей парковке. Красиво. Страшно. Но красиво.

Четырнадцать тридцать. За окном начался мелкий дождь, барабанит по подоконнику, стёкла запотели. В бухгалтерии пахнет бумагой, успокоительным и жжёным сахаром — Маша вечно жжёт сахар на плите, когда нервничает. Сейчас она нервничает так, что, кажется, спалит офис.

Захожу за скрепками. Маша сидит за столом с абсолютно пустыми глазами. В руках у неё официальный бланк с гербовой печатью, и она смотрит на него так, будто там написано «вы все умрёте завтра в полдень».

— Маш, ты чего? — подхожу ближе. — Скрепки дашь или мне свои искать?

Маша медленно, очень медленно, как в замедленной съёмке, поворачивает ко мне голову.

— Ариш, — голос у неё севший, будто она час орала. — Нам пришло требование.

— Какое требование? Из налоговой?

— Из налоговой. — Она протягивает мне бланк. Руки дрожат. — Требуют поставить на учёт дракона как основное средство предприятия. Или как сотрудника. Они не определились, но галочку поставить надо.

Беру бумагу, читаю. Официальным языком, с юридическими оборотами, там написано:

«ООО "Код Абсурда" обязано в срок до 15 ноября предоставить в ИФНС документы на мифическое существо (дракон, 3 головы), находящееся на балансе организации, либо подтвердить отсутствие трудовых отношений с указанным

существом, предоставив справку об увольнении (форма Т-8) с подписями всех трёх голов».

— Маша, — говорю я медленно. — У них есть форма Т-8 для драконов?

— Там приписка мелким шрифтом, — Маша тычет пальцем вниз страницы. — «В случае отсутствия утверждённой формы допускается составление в свободной форме с подписью всех трёх голов и нотариальным заверением факта существования каждой головы как отдельной личности или частей одного организма — на усмотрение налогового органа».

— На усмотрение? — переспрашиваю я. — Они сами не знают, как это считать?

— Они надеются, что мы знаем.

Дверь бухгалтерии открывается, заходит начальник. Вид у него такой, будто он увидел призрака, потом этого призрака убили, потом он воскрес и снова увидел. Лицо серое, под глазами мешки, галстук съехал набок.

— Маша, — говорит он голосом человека, смирившегося с судьбой. — Нам дракон нужен как сотрудник.

— Что? — мы с Машей хором.

— У него ипотека, — начальник садится на свободный стул, хватается за голову. — Он просил оформить официально. А то банк не даст кредит на гнездо. Ему же три головы, ему гнездо нужно большое, с тремя комнатами. Или с тремя отдельными входами? Я не знаю! Но он просит!

— Игорь Викентьевич, — Маша подскакивает. — Вы се-

рьёзно?

— А что мне делать? — начальник поднимает на неё полные отчаяния глаза. — Он сказал, что если не оформим, он сожжёт отчётность за прошлый год. Всю. У него три головы, он может сжечь с трёх сторон одновременно!

В этот момент дверь снова открывается. Заходит курьер — молодой парень в синей форме, с сумкой через плечо. Он явно не в курсе событий.

— Здравствуйте, — говорит он бодро. — Тут дракону Иннокентию Павловичу заказное письмо из Пенсионного фонда. Распишитесь, пожалуйста.

Маша медленно берёт конверт. Смотрит на него. Там действительно написано: «Дракону И.П., трёхголовому, до востребования, парковка ООО "Код Абсурда"».

— Откуда они знают адрес? — шепчет Маша.

— У них свои источники, — пожимает плечами курьер. — Мы вообще вчера письмо для лешего доставляли. В промзону, под ёлку. Он расписался корягой. Ничего, приняли.

Курьер уходит, насвистывая. Мы сидим втроём и смотрим на конверт.

— Надо отнести, — говорю я. — Кеша ждёт.

— Я боюсь, — признаётся Маша.

— Я тоже, — говорит начальник. — Но идти надо.

Выхожу на парковку. Дождь моросит, Кеша сидит под фонарём, накрывшись крылом как зонтиком. Центральная голова читает книгу — «Налоговый кодекс для начинающих».

— Кеша, — окликаю я. — Вам письмо.

Дракон поднимает голову. Увидев конверт, расплывается в улыбке.

— О! Из Пенсионного фонда! Быстро они!

Читает письмо, трогательно шевеля губами. Все три головы шевелят губами, даже спящая — во сне. Потом центральная поднимает глаза, и они влажные.

— Мне пенсию пересчитали, — голос дрожит. — С учётом трёх иждивенцев. Теперь я получаю как три пенсионера! Спасибо, родные!

Он пытается обнять меня крылом. Уворачиваюсь в последний момент.

— Кеша, не надо, я ещё пожить хочу.

— Извини, — дракон смущённо убирает крыло. — Привычка. Предки людей ели, а теперь вот дружим. А рефлексы остались. Ты не представляешь, как трудно переучиваться после трёх тысяч лет.

— Представляю, — вздыхаю я. — У меня после выходных то же самое.

Девятнадцать тридцать. За окном темно, моросит дождь, фонари отражаются в лужах на парковке. В офисе почти никого — только я собираю вещи, да Марк крутится рядом, делая вид, что проверяет кристаллы. Кеша дремлет под фонарём, укрывшись крылом, изредка похрапывая с вылетающими искрами.

Закидываю ноутбук в рюкзак, натягиваю куртку. Марк подходит, мнётся у стола.

— Слушай, — начинает он как-то подозрительно застенчиво. — Можно я с тобой дойду до метро? А то у меня кристаллы кончились, а без них я боюсь темноты.

Смотрю на него. Он смотрит на меня честными-пречестными глазами. В руках действительно пустая коробка из-под кристаллов, но я готова поспорить, что в рюкзаке у него запасная пачка есть.

— Марк, у тебя в рюкзаке полтонны магического инвентаря. Ты можешь освятить всю улицу от фонаря до фонаря.

— Ну, — он переминается с ноги на ногу. — Понимаешь, это ж не только кристаллы. Это энергетика. Одному идти — энергетика рассеивается. А с тобой — фокусируется. Вдвойне защита работает.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Вздыхаю. Сдаюсь.

— Пошли. Но если начнёшь медитировать в подземном переходе или раскладывать кристаллы на эскалаторе, я тебя там оставлю. Честное слово.

Марк расплывается в улыбке и бежит за курткой. Через минуту мы уже выходим на улицу. Дождь моросит, холодный, противный, ноябрьский. Марк достаёт зонт. На зонте изображение звездного неба, все созвездия подписаны.

— Держи, — он протягивает зонт мне. — Ты без капо-

шона, промокнешь.

— А ты?

— А я дождь люблю. Он энергетику очищает.

Идём под зонтом. Марк старательно держит его так, чтобы я не промокла, сам мокнет, но виду не подаёт. Смотрю на него краем глаза. Лохматый, мокрый, в клетчатой рубашке, с рюкзаком, полным кристаллов, и с дурацким зонтом. И что-то в груди шевелится. Какое-то тёплое, глупое, совершенно неуместное чувство.

— Марк, — говорю я, чтобы отвлечься. — А зачем ты вообще пошёл в IT? Ты же явно не код любишь. Ты любишь всю эту... эзотерику. Кристаллы, ауры, медитации. Зачем тебе офис?

Марк задумывается. Идёт молча несколько шагов. Потом отвечает — серьёзно, без своей обычной дурашливости.

— Понимаешь, код — это такая же магия. Ты пишешь заклинание, и компьютер его выполняет. Только там нет души. Нолики и единички, сухая логика. А я хочу, чтобы в технологиях была душа. Поэтому я и кристаллы расставляю. Не потому что верю, что они реально работают.

— А зачем тогда?

— А затем, что мне хочется верить. Что мир сложнее, чем просто нолики и единички. Что есть что-то ещё, кроме дедлайнов, багов и кофе. Что мы не просто так тут сидим, кнопки нажимаем.

Замолкаю. Перевариваю.

— Знаешь, — наконец говорю я. — Ты первый эзотерик, который говорит почти умные вещи.

Марк улыбается — светло, открыто, без подколов.

— Это комплимент?

— Это констатация факта. Не обольщайся.

Доходим до метро. Останавливаемся у входа. Люди снуют туда-сюда, кто-то толкается, кто-то спешит. А мы стоим под дурацким звёздным зонтом, и мне почему-то не хочется уходить.

— Ну, — говорю я. — Я пошла.

— Арина, — Марк лезет в рюкзак, долго роется, наконец достаёт маленький кристалл. Розовый, прозрачный, огранённый. — Держи. Для защиты. И для... ну, просто так. На память. О первом рабочем дне.

Смотрю на кристалл. Потом на Марка. Потом снова на кристалл.

— Марк, это розовый кварц.

— Да. Он для любви, гармонии и...

— Я знаю, для чего розовый кварц.

— Ну и... — он мнётся. — Пусть просто лежит. Для красоты.

Беру кристалл. Прячу в карман куртки. Чувствую, как краснею. Хорошо, темно, не видно.

— Спасибо, — бурчу я. — Пока.

Быстро ныряю в метро, даже не оборачиваясь. Спускаюсь на эскалаторе, достаю кристалл из кармана. Смотрю на него.

Розовый, красивый, дурацкий.

— Идиотизм, — шепчу я. — Арина, соберись. Это просто камень. Просто дурацкий камень от дурацкого коллеги.

Но кристалл не выкидываю. Прячу обратно в карман. И всю дорогу до дома трогаю его пальцами, как талисман.

На парковке, которую я вижу в окно метро, Кеша просыпается, смотрит на уходящих людей и вздыхает:

— Молодёжь... Эх, была бы у меня четвёртая голова — свахой бы заделалась.

!ГЛАВА 4. НОЧНОЙ ДОЗОР (В НАШЕМ СЛУЧАЕ — НОЧНОЙ ОТКАТ)

Двадцать три сорок пять. За окном полнолуние — яркое, большое, светит прямо в комнату, заливая всё серебряным светом. На подоконнике сидит Байт и смотрит на луну с таким видом, будто он её личный куратор. Натягиваю толстовку, проверяю рюкзак — ноутбук, фонарик, зарядка, флешка (новая, сухая, проверенная). Байт поворачивает голову, провожает меня взглядом.

— Байт, — говорю я, завязывая шнурки. — Я скоро вернусь. Не скучай. И, пожалуйста, не светись. А то соседи вызовут экзорциста, мне потом объяснять, что ты просто кот с магическими последствиями.

Байт открывает рот. Я жду обычного «мяу». Но слышу другое.

— Арина, — говорит кот. Голосом уставшего интеллигента, чуть хрипловатым, с лёгкой картавостью. — Ты собралась отключать сервер с подключённым артефактом? Ты понимаешь, что это может усилить эффект?

Роняю фонарик. Он стучается об пол, откатывается под диван. Я не двигаюсь. Стою и смотрю на кота. Байт сидит на подоконнике, освещённый луной, и смотрит на меня с выра-

жением «ну наконец-то до тебя дошло».

— Ты... — голос пропадает. — Ты говоришь?

— Ну наконец-то, — Байт вздыхает. По-человечески, тяжело, с чувством выполненного долга. — Я уже два дня пытаюсь, а у меня получалось только «мяу» и «м-м-я». Неудобно, знаешь ли. Хотел тебе ещё позавчера сказать, что кофе без электричества — это ненормально, и что кран с голубой водой — это не галлюцинация. Но ты не слушала. Ты всегда не слушаешь, когда я мяукаю.

Падаю на диван. Ноги не держат.

— Так. Спокойно. У меня галлюцинации от недосыпа. Или от стресса. Или от того розового кварца, который Марк мне всучил. Кот не может говорить. Не может.

— Арина, — Байт спрыгивает с подоконника, подходит ко мне, садится напротив. — Я говорю. Смирись. И лучше послушай меня, а не сиди с открытым ртом, ловя мух. Тот артефакт — это не просто игрушка. Это катализатор. Если вы его отключите неправильно, он может зафиксировать все изменения. И тогда драконы, говорящие коты и налоги на магию останутся навсегда. Ты этого хочешь?

— А почему ты говоришь голосом профессора?

— Потому что я умный кот. Я всегда был умным, просто не мог вербализовать. А теперь могу. И первая мысль, которую я хочу донести: у тебя закончился вискас. Купи, пожалуйста. Я серьёзно. Этот сухой корм — это издевательство над кошачьей душой.

Смотрю на кота. Кот смотрит на меня. Луна светит в окно.

— Байт, — говорю я медленно. — Ты правда существуешь? Или это мой личный апокалипсис?

— Я существую. Ты существуешь. Дракон на парковке существует. Всё реально. А теперь слушай внимательно, у нас мало времени. Когда будете отключать, скажи Марку, чтобы он держал кристаллы. Да, они работают. Я сам удивлён, но факт. И пусть думает о чём-то хорошем. Энергетика намерения важна. А ты просто вырубь питание, но не выдёргивай USB. Сначала питание, потом USB. Запомнила?

— Сначала питание, потом USB, — повторяю как робот.

— И возьми запасную флешку. Мало ли.

Киваю. Байт удовлетворённо щурится.

— Молодец. А теперь иди. И да, я тобой горжусь. Даже несмотря на то, что ты кормишь меня этой гадостью.

Встаю, подхожу к двери. Оборачиваюсь.

— Байт, а почему ты раньше не заговорил?

— Ждал подходящего момента, — кот зевает. — И вискаса. Но вискаса так и не дождался. Ладно, иди уже. Спасай мир. А я посплю. У меня завтра трудный день — буду тебя воспитывать.

Ноль тридцать. Луна светит ярко, небо чистое, звёзды высыпали так, будто их специально начистили к полнолуннию. Холодно — дыхание паром вырывается изо рта, ветер задувает под куртку, но я почти не чувствую. В голове всё ещё не

укладывается: кот говорит. Мой кот. Байт. Говорит голосом уставшего профессора и требует вискас.

Подхожу к офису. Марк уже стоит у входа — узнаю его по клетчатой рубашке, которая видна даже в темноте. В руках у него огромный пакет, из которого торчат свечи, кристаллы и... бубен. Маленький, шаманский, с ленточками.

— Марк, — говорю я, подходя ближе. — Ты серьёзно с бубном?

— Это не бубен, — обиженно поправляет он. — Это тамбурин. Для создания правильной вибрации. Я подумал: вдруг артефакт откликнется на ритм? У них, у древних, музыка почиталась как магия. Может, он на «Дорз» западает или на что-то этническое?

Смотрю на него. На тамбурин. На кристаллы в пакете. Вспоминаю Байта: «Скажи Марку, чтобы держал кристаллы. Они работают».

— Ладно, — вздыхаю. — Кристаллы бери. Тамбурин... тамбурин оставь здесь. Не хватало ещё, чтобы охрана вызвала полицию на шамана в офисе.

— А если без тамбурина вибрация будет слабая? — переживает Марк.

— Значит, будем надеяться на кристаллы.

Марк послушно, но с явным сожалением оставляет тамбурин у входа, прислонив к стене. Ленточки печально колыхаются на ветру.

Заходим в офис. Темно, только дежурный свет горит в ко-

ридоре. Гул серверной слышен даже отсюда — низкий, монотонный, как дыхание спящего зверя. Идём на звук.

— Слушай, — шепчет Марк, оглядываясь по сторонам. — А здесь атмосфера... загадочная. Прямо как в храме. Или в склепе. Ты чувствуешь эту энергетику?

— Я чувствую сквозняк, Марк. И то, что мы забыли купить батарейки для фонарика.

— У меня есть свечи, — оживляется он. — Магические, с воском из...

— Обойдёмся.

Подходим к серверной. Дверь приоткрыта. Совсем чуть-чуть, на пару сантиметров, но я точно помню, что закрывала её на ключ перед уходом. Сердце ёкает.

— Марк, — шепчу я. — Я закрывала дверь.

— Может, Кеша заходил? — предполагает Марк. — Он говорил, что хочет на сервер посмотреть, думал, там гнездо можно свить. Тепло же, гудит уютно. Для яиц идеально.

— Дракон в серверной. Марк, ты понимаешь, что дракон в серверной — это хуже, чем мышь на складе боеприпасов? Он может всё сжечь, раздавить, сломать...

— Ну, Кеша аккуратный. Он же с тремя головами — одна всегда смотрит, куда лапу ставит.

Толкаю дверь. Заходим.

В серверной тепло, гудит оборудование, пахнет озоном и... мятой? Артефакт пульсирует сильнее обычного, свет мерцает, отбрасывая тени на стены. На экранах мониторов

бегут странные символы — не иероглифы, а какие-то руны, перемежающиеся цифрами. Дракона нет.

— Чисто, — выдыхаю я.

Подхожу к серверу, смотрю логи. Приложение выдало новое предсказание. Крупно, жирным шрифтом:

«99.9% — ПОПЫТКА ОТКАТА СИСТЕМЫ ПРИВЕДЁТ К ВРЕМЕННОМУ УСИЛЕНИЮ МАГИЧЕСКОГО ФОНА. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЗАПАСТИСЬ ПОПКОРНОМ».

— Марк, — зову я. — Нас предупреждают.

Марк заглядывает через плечо, читает, довольно кивает.

— О, у него чувство юмора! Попкорн — это классика. Значит, не злой артефакт, а с приколами. Хороший знак.

— Марк, нас предупреждают, что будет пиздец, и советуют запастись попкорном. Это не чувство юмора, это издевательство.

— А какая разница? — философски замечает Марк. — Главное, что мы знаем. Будем готовы.

— Как мы можем быть готовы к временному усилению магического фона?

— Ну, — Марк задумывается. — Я кристаллы разложу. Ты за ноутбуком следи. А если что — Кеша рядом, он подстрахует.

В этот момент в окно серверной — оно выходит на парковку — тихонько стучат. Поднимаю голову. Там, за стеклом, огромный жёлтый глаз. Кеша прижался носом к стеклу, пытаясь заглянуть внутрь.

— Ребята, — доносится приглушённое. — Я увидел свет, думал, вы спите. А вы тут магией занимаетесь? Можно посмотреть? Я тихо, честное слово. Как мышка.

— Кеша, — Марк подходит к окну, открывает створку. — Ты чего не спишь?

— Не спится, — дракон просовывает голову внутрь, оглядывает серверную с любопытством. — Луна полная, понимаешь, бессонница. У нас, драконов, в полнолуние инстинкты обостряются. Надо бы сокровища пересчитать или принцессу украсть, но принцесс нынче нет, одни блогерши. А сокровища у меня в ипотеку заложены. Вот и маюсь.

Смотрит на артефакт, на пульсирующий свет, на экраны с рунами.

— Ого, — говорит он уважительно. — А он разгулялся. Сильно пульсирует. Видно, не нравится ему, что отключать собрались.

— А ты откуда знаешь, что мы собрались отключать? — подозрительно спрашиваю я.

— Ну, — Кеша пожимает плечами. — Полнолуние, вы ночью в серверной, лица серьёзные. Логика, дочка. Три тысячи лет опыта.

— Кеш, — встречается Марк. — А ты нам поможешь? Если что?

— А чего ж не помочь, — дракон устраивается поудобнее, свесив голову в окно. — Посижу, посторожу. Если ползет кто — рыкну. У меня рык поставлен, между прочим, годами

тренировок. В молодости мог замок разбудить за три километра. Сейчас, правда, голос сел немного, но всё ещё ничего.

— Кеша, — говорю я. — А ты огнём дышать умеешь?

— Умею, — кивает дракон. — Но сейчас нельзя — пожарная сигнализация сработает. А у меня с ней договорённость с прошлого раза не очень. Я тогда случайно чихнул, она три часа орала, потом целый месяц на меня косились.

— Ладно, — вздыхаю я. — Сиди тихо. Мы начинаем.

Кеша кивает и замирает, превращаясь в огромную статую у окна. Только глаза блестят в темноте.

— Марк, — командую я. — Раскладывай кристаллы. Байт сказал, это помогает.

— Байт? — Марк удивлённо поднимает брови. — Это твой кот? Он говорит?

— Говорит, — бурчу я. — И умнее нас двоих, кажется.

— Круто! — Марк расплывается в улыбке. — Я всегда знал, что у тебя особенный кот! У него аура была — закачаешься!

— Марк, кристаллы.

Марк послушно начинает раскладывать кристаллы вокруг серверной стойки. Розовые, голубые, зелёные, прозрачные. Кеша комментирует с видом эксперта:

— О, розовый кварц — для любви. Аметист — для спокойствия. Тигровый глаз — для защиты. А вот этот, чёрный, убери подальше, он тянет энергию вниз. У нас в стае такой использовали, когда хотели подземелья обрушить.

— Кеш, — уважительно говорит Марк, убирая чёрный кристалл. — Ты шаришь!

— Три тысячи лет, сынок, — скромно отвечает дракон. — Чему-то научишься. Тем более когда у тебя три головы — одна всегда подглядывает за умными.

Час пятнадцать. За окнами офиса темно, только фонари на парковке разгоняют тьму желтоватыми кругами света. В серверной жарко, гудит оборудование, пахнет озоном, нагретым пластиком и теперь ещё — кристаллами, которые Марк разложил по всем углам. Кешина голова торчит в окне, глаза светятся в темноте, как два жёлтых фонаря.

Подхожу к серверу, проверяю все подключения. Артефакт висит на USB-удлинителе, которым Марк обмотал стойку «для красоты». Провод обмотан вокруг металлической ножки три раза, потом ещё два, потом уходит в артефакт.

— Марк, — говорю я, глядя на это безобразие. — Почему USB обмотан вокруг стойки?

— Чтобы энергия циркулировала по спирали, — объясняет Марк тоном профессора, читающего лекцию первокурсникам. — Это же основы энергообмена! Прямой провод — прямая энергия, она быстро уходит. А спираль — энергия накапливается, закручивается, усиливается. Я в книжке читал.

— В какой книжке?

— В одной. Там ещё про пирамиды было. Что если провода в форме пирамиды складывать, то зарядка быстрее идёт.

Смотрю на него. Он смотрит на меня честными глазами. Кеша за окном одобрительно кивает.

— А я говорил, парень с головой, — комментирует дракон. — У нас в стае тоже такие были — провода в гнёзда вили, думали, так теплее. Правда, потом пожар случился, но это уже детали.

Внезапно в окно серверной — оно выходит на парковку — стучит голова дракона. Та, что с телефоном. Подпрыгиваю, чуть не роняю ноутбук.

— Ребята, — говорит она, заглядывая внутрь. — Я тут вайфай поймала, а вы чем занимаетесь? Магией? Можно посмотреть?

— А ты не спишь? — удивляется Марк.

— Не, я вообще ночная. Это центральная спит, а я — жаворонок. Вернее, сово... дракон. В общем, я бодрая. Можно?

— Залезай, — машет лапой Кеша. — Только тихо.

Вторая голова просовывается в окно, теперь их две — центральная спит, уткнувшись в лапы, третья дремлет, а вторая с интересом рассматривает серверную.

— О, у вас тут уютно, — замечает она. — Тепло, гудит. Как в инкубаторе. А можно яйцо принести? Нет, шучу.

Арина открывает окно пошире, чтобы головам было удобнее. Дракон просовывается почти до плеч.

— Я тихо, просто наблюдаю, — обещает вторая голова.

— Я в детстве тоже хотел программистом стать. Но родители сказали — иди в разорители замков, там деньги, карьера, пенсия. А теперь вот сиди на парковке, кредиты плати. Ипотека, понимаешь, на гнездо. Три головы — три комнаты нужно, а цены на недвижимость такие, что хоть вой.

— Кеш, — спрашивает Марк. — А ты правда огнём дышать умеешь?

— Умею, — центральная голова просыпается, зевает. Из пасти вылетает облачко дыма. — Могу, но сейчас нельзя — пожарная сигнализация сработает. А у меня с ней договорённость с прошлого раза — мы не в ладах. Я тогда случайно чихнул, она три часа орала, потом целый месяц на меня косились. Теперь как вижу датчик — сразу задерживаю дыхание.

— А вы вообще чем питаетесь? — интересуюсь я, проверяя время на мониторе.

— По-разному, — вздыхает центральная голова. — Я, например, овец люблю. Жареных, с корочкой. Вторая — рыбу, сырую, с чешуёй. Третья, — кивает на спящую, — вообще вегетарианец. Фрукты, овощи, ягоды. Представляете бюджет? Три разных меню, три разных похода в магазин. А она ещё и спит постоянно, приходится будить, чтобы покормить. Проснётся — а еда холодная. Скандал.

— Кошмар, — сочувствует Марк.

— Это ещё ничего, — машет лапой дракон. — Вот когда линька — это да. Чешуя везде, на парковке, в воздухе, в супе.

Три головы — три линьки в разное время. Убирайся потом.

Смотрю на них, на драконов, на Марка с его кристаллами, на артефакт, пульсирующий синим. И вдруг понимаю, что улыбаюсь. Ситуация абсурдная, страшная, но отчего-то тёплая.

— Так, — говорю я, возвращаясь к реальности. — Через пятнадцать минут сервер уходит в режим минимальной активности. Марк, приготовься. Как только погаснут лампочки — выдёргивай USB. Но не раньше!

— Понял, — Марк садится на корточки возле артефакта, сосредоточенно смотрит на него. Руки у него дрожат.

— Марк, — замечаю я. — Ты чего?

— Волнуюсь, — признаётся он. — Вдруг я всё испорчу? Вдруг не туда дёрну? Вдруг он взорвётся?

— Не взорвётся, — утешает Кеша. — Я три тысячи лет живу, драконы артефакты никогда не взрывались. Только искрили иногда. И один раз портал открыли, но это другая история.

— Какая? —стораживаюсь я.

— Да так, —отмахивается дракон. — Мелочи. В прошлом тысячелетии. Мы тогда в параллельный мир сходили, на экскурсию. Там драконы летают, только фиолетовые. Красиво, но скучно — все вегетарианцы. Мы не прижились.

— Кеш, — говорит Марк. — А ты нас подстрахуешь? Если что?

— А чего ж не подстраховать, — дракон расправляет кры-

ло, нависая над окном. — Если что — я вас отсюда эвакуирую. Правда, придётся в когтях нести, неудобно, но долетим. Я аккуратнo, не уроню. У меня опыт — я в молодости принцесс таскал, ни одной не уронил.

— Принцесс? — переспрашиваю я.

— Ну да, работа была, — вздыхает Кеша. — Украл, посадил в башню, ждёшь рыцаря. Скукота. А потом рыцари пошли хилые, мечи тупые, доспехи ржавые. Один раз приходит, а у него аллергия на драконью чешую. Чихал на меня, чихал, я и отпустил принцессу — пусть забирает, только чтобы не чихал. С тех пор на пенсию захотел. А тут кризис, ипотека... Эх.

Смотрю на часы. Две минуты.

— Внимание, — говорю я. — Приготовились. Марк, руку на USB. Кеша, замрите оба.

— Я замер, — шепчет центральная голова.

— Я тоже, — вторит вторая.

Третья спит и похрапывает.

— Три... две... одна...

Час сорок пять ночи. Самый тёмный час, когда даже фонари на парковке, кажется, горят вполсилы. В серверной тихо, только гудит оборудование и слышно, как три драконьих головы дышат в унисон. Марк сидит на корточках возле артефакта, рука замерла в сантиметре от USB. Я смотрю на монитор, отсчитывая секунды.

— Внимание, — говорю максимально спокойно. — Через минуту сервер уйдёт в сон. Я нажимаю отключение. Марк, как только погаснут лампочки — выдёргивай USB. Но не раньше! Даже если покажется, что пора. Только когда погаснут полностью.

— Понял, — кивает Марк. Голос у него севший от волнения. — Лампочки погаснут — я дёргаю.

— И не дёргай раньше, — повторяю я. — Если дёрнешь раньше — может закоротить всё к чёртовой матери.

— А если позже?

— Если позже — сервер начнёт перезагрузку и артефакт может активироваться снова.

— А если я вообще не дёрну?

— Тогда мы будем сидеть здесь до утра, а утром Кеша пойдёт в налоговую оформлять ипотеку.

— Я вообще-то уже оформил, — вставляет Кеша из окна. — Мне вчера одобрили. Три головы — три одобрения, кстати. Банк думал, что это три разных клиента, а потом разобрались. Скандал был, но кредит дали.

— Кеш, не отвлекай, — шикает на него вторая голова.

Марк смотрит на артефакт. Руки у него дрожат всё сильнее.

— Марк, — говорю я. — Ты чего?

— Страшно, — признаётся он. — Вдруг я всё испорчу? Вдруг неправильно дёрну? Вдруг он меня током?

— Не бойся, сынок, — утешает Кеша. — Я рядом. Если

что — подхвачу. У меня когти острые, быстрые. Я в молодости мух ловил на лету. Тримя головами сразу. Ни одна не улетела.

— А мухи были магические? — уточняет Марк, пытаясь шутить.

— Обычные. Но их много было. Тренировка.

Смотрю на монитор. Тридцать секунд.

— Марк, сосредоточься. Сейчас будет главный момент. Думай о хорошем. Байт сказал, энергетика намерения важна.

— О чём думать? — паникует Марк. — Я не знаю, о чём думать! У меня все мысли разбежались!

— Думай о том, что всё получится, — советует вторая голова. — Я так всегда перед полётом думаю. Или перед тем, как огнём дышать. Представляю, что всё будет хорошо, и получается.

— Или думай о чём-то приятном, — добавляет центральная. — О еде, например. Я об овцах думаю — сразу спокойно становится.

— Думай о кристаллах, — предлагаю я. — Ты же их любишь.

— Точно! — Марк закрывает глаза. — О кристаллах. О розовых, о голубых, о переливающихся...

Пятнадцать секунд.

— Приготовились, — команду я. — Руку на USB.

Марк кладёт ладонь на штекер, но не дёргает. Пальцы подрагивают.

Десять секунд.

— Кеша, замрите, — прошу я.

— Замерли, — шепчут обе головы хором. Третья спит, но даже она, кажется, перестала храпеть.

Пять... четыре... три... две... одна...

Нажимаю отключение.

Сервер издаёт протяжный звук — не вой, а скорее вздох облегчения. Лампочки на передней панели начинают гаснуть одна за другой. Медленно, как будто нехотя.

— Жди, — шиплю я Марку. — Не дёргай.

Гаснет последняя лампочка. Наступает тишина. Только гул вентиляторов затихает постепенно.

— Давай! — кричу я.

Марк дёргает USB. Артефакт вспыхивает ярким синим светом — таким, что приходится зажмуриться. Свет заполняет всю серверную, отражается от кристаллов, разлетается радужными зайчиками. Кеша зажмуривает все три глаза. Марк закрывается рукой. Я отворачиваюсь.

Потом свет гаснет.

Наступает полная темнота. Тишина. Даже вентиляторы молчат.

— Сработало? — шепчет Марк.

— Не знаю, — шепчу в ответ.

Внезапно все экраны в серверной загораются одновременно. Мониторы, индикаторы на оборудовании, даже экранчик на кофеварке в углу — всё светится. И на каждом — одна

и та же надпись:

«SYSTEM RESTORE FAILED. INITIATING EMERGENCY PROTOCOL 42».

— Что значит 42? — спрашивает Марк.

— Это отсылка к «Автостопом по галактике», — машинально отвечаю я. — Там 42 — ответ на главный вопрос жизни, вселенной и всего такого.

— О, — кивает Марк. — Значит, артефакт с юмором. Я же говорил.

— Марк, это не смешно!

Из артефакта начинает исходить странное свечение — не синее, а радужное, переливающееся. Оно расползается по серверной, касается стен, оборудования, кристаллов. Кристаллы загораются в ответ, начинают светиться изнутри.

— Красиво, — выдыхает Марк.

— Страшно, — выдыхаю я.

Из темноты, откуда-то из угла, раздается голос Байта. Я даже не удивляюсь, что он тут.

— Я же говорил — усилится! — шипит кот. — Быстро все закройте глаза и думайте о хорошем! Представляйте, что всё будет хорошо! Максимально позитивная энергетика!

— Я не умею! — паникует Марк.

— Умеешь! — рявкает Байт. — Закрыв глаза и думаешь!

Марк закрывает глаза и начинает бормотать:

— Кристаллы, кристаллы, красивые кристаллы, розовые, голубые, зелёные, переливающиеся...

Кеша закрывает все три глаза лапами. Даже спящая голова просыпается и закрывается.

Я стою с открытыми глазами и смотрю на это безумие. Байт шипит:

— Арина, закрой глаза, дура!

Закрываю.

Свечение достигает пика — чувствую это даже сквозь веки. Потом резко гаснет. Наступает полная темнота и тишина.

Слышно, как где-то капает вода. Или это кондиционер? Не важно.

Минута проходит. Вторая.

Загорается дежурный свет. Слабый, аварийный, но достаточный, чтобы видеть друг друга.

Открываю глаза.

Марк сидит на полу, обхватив голову руками. Кеша всё ещё стоит с закрытыми глазами. Байт — в углу, шерсть дыбом, глаза горят.

— Все живы? — спрашиваю я.

— Вроде, — отзывается Марк.

— Живы, — подтверждает Кеша, открывая глаза.

Байт смотрит на свои лапы. Шевелит пальцами. Потом говорит:

— Я всё ещё говорю.

— И что это значит? — спрашиваю я.

— Это значит, девочка моя, — Байт вздыхает. — Что фиксация произошла. Драконы, говорящие коты и налоги на

магию — это теперь надолго. Добро пожаловать в новую реальность.

Марк смотрит на меня. Я смотрю на Марка. Кеша почёсывает затылок.

— А попкорн? — спрашивает он. — Мы так и не съели попкорн.

— Кеш, — говорю я. — Сейчас не до попкорна.

— А когда до него? У меня три головы, им всем жевать надо. Одна овец хочет, вторая рыбу, третья фрукты. А попкорн — он компромиссный. Все любят.

Смотрю на часы. Три часа ночи.

— Ладно, — выдыхаю. — Пошли есть попкорн. Заслужили.

— Ура! — оживает Марк. — Я принёс! У меня в рюкзаке!

— Ты и попкорн взял?

— Ну, артефакт же советовал.

Достаёт огромный пакет попкорна. Кеша довольно щурится. Даже Байт подходит ближе.

— Солёный есть? — спрашивает кот.

— Есть.

— Давай. Я солёный люблю.

Сидим в серверной, жуём попкорн, смотрим на артефакт. Он молчит, не светится, прикидывается обычной железякой.

— Красивая ночь, — замечает Кеша.

— Ага, — киваю я. — Только что мир чуть не рухнул.

— Ну, — философски замечает Байт. — Не чуть не рух-

нул, а просто изменился. Теперь жить интереснее будет.

— Легко тебе говорить, — бурчу я. — Ты кот. Тебе и так жить хорошо.

— Коту всегда хорошо, — соглашается Байт. — Особенно когда есть попкорн. И вискас. Но вискаса нет.

— Куплю, — обещаю я. — Завтра. Честно.

— Всегда ты так, — вздыхает кот. — «Завтра, завтра». А жить когда?

Семь тридцать утра. Рассвет сочится сквозь грязные окна офиса, разгоняя ночную темноту. Солнце, странно тёплое для ноября, заливает оупенспейс золотистым светом. Мы сидим впятером — я, Марк, Кеша (головы в окне), Байт (на столе) и Нафаня (вылез из шкафа, привлечённый шумом).

Дверь открывается. Заходит начальник.

Игорь Викентьевич застывает на пороге. Глаза медленно перемещаются с меня на Марка, с Марка на драконьи головы в окне, с голов на кота, сидящего на столе в начальственной позе. Байт смотрит на него в упор. Потом открывает рот.

— Доброе утро, Игорь Викентьевич, — говорит кот голосом уставшего интеллигента. — У вас на завтрак выпечка? Запах вкусный. Не поделитесь?

Начальник медленно, очень медленно, как дерево, падающее под пилой, оседает на стул. Стул жалобно скрипит. Лицо у Игоря Викентьевича приобретает цвет мокрого картона.

— Кот, — шепчет он. — Говорит.

— Да, — кивает Байт. — Уже почти сутки. Но вы не волнуйтесь, это не заразно. Только если долго смотреть на артефакт.

— Артефакт?

— Длинная история, — вмешиваюсь я. — Если коротко — мы случайно активировали древнюю магию, и теперь драконы, говорящие коты и налоги на магию — наша реальность.

— Наша реальность, — эхом повторяет начальник. Смотрит в окно. Кеша машет ему лапой.

— Здорово, начальник! — приветствует дракон. — А я Иннокентий Павлович. Можно Кеша. Вы не волнуйтесь, я тут временно. Ну, пока ипотеку не выплачу. А это, — кивает на головы, — мои иждивенцы. Спящая и Читающая.

— Три головы, — машинально отмечает начальник. — Это ж сколько НДСФЛ можно сэкономить...

— Игорь Викентьевич! — возмущаюсь я. — Вы о чём?

— О налогах, — оживает начальник. В глазах загорается знакомый огонёк. — Если оформить дракона как сотрудника с тремя иждивенцами, можно получить кучу вычетов! И если кот говорящий — его тоже можно оформить! Как консультанта!

Байт приподнимает бровь.

— Консультанта? А зарплата предполагается?

— Ну, — мнётся начальник. — Вискасом, например.

— Торгуемся, — щурится кот. — Вискас плюс отдельная

лежанка в кабинете. И чтобы никаких собак.

— Договорились!

В этот момент дверь снова открывается, влетает Маша с телефоном в руках.

— Арина! — орёт она. — Там по телевизору сказали! Драконы официально признаны мифическими существами! Им выделяют квоты в МФЦ! И льготы на коммуналку!

Кеша расплывается в улыбке.

— О! Прогресс! — довольно говорит он. — А то я вчера полдня стоял в очереди за справкой, меня не пускали, говорили — «вы не по формату». Три головы, видите ли, в кабинку не помещаются. А в МФЦ, говорят, теперь специальные окошки для мифических. С драконьим входом.

— Кеш, — уточняет Марк. — А ты куда справку ходил?

— В налоговую. За подтверждением личности. У меня же паспорт старый, ещё с 15 века, там фотография не цветная, а рисунок пером. Не принимают, говорят — сделайте новую. А где делать? У них в списке фотостудий нет «для драконов трёхголовых».

Заходит Костя, с ног до головы увешанный техникой.

— Народ! Я всё снял! Всю ночь! У меня такой контент будет! Миллион просмотров! — он замечает Байта. — О, кот! Скажи что-нибудь в камеру!

— Я не говорю бесплатно, — отворачивается Байт. — У меня тарифы.

— Какие тарифы?

— Вискас за слово. Два слова — банка. Интервью — пачка.

— Жесть, — восхищается Костя. — Самый дорогой кот в мире.

— Самый умный, — поправляет Байт. — Дорогой — это следствие.

Начальник собирает всех жестом.

— Так! Раз уж мы теперь официально... гм... техподдержка реальности, надо открывать новый отдел. Арина — руководитель. Марк — зам по магии. Кеша — консультант по драконьим вопросам. Байт — начальник отдела по работе с жалобами.

— Согласен, — кивает Байт. — При условии повышения зарплаты. В вискасе.

— Принято, — кивает начальник. — Маша, оформляй.

Маша, которая всё это время стояла с открытым ртом, встрепенулась.

— А как оформлять кота? — спрашивает она. — У нас есть форма для животных?

— Для говорящих, — уточняет Байт. — Я не животное, я личность. Можно оформить как самозанятого.

— Кот-самозанятый, — мечтательно говорит Марк. — Это ж сколько мемов будет!

— Не отвлекаемся, — стучит по столу начальник. — Значит, работаем. У нас теперь официальный статус. Будем помогать мифическим существам адаптироваться в городе.

Драконам — с налогами, русалкам — с пропиской, лешим — с озеленением. Деньги будут идти из бюджета.

— Из бюджета? — оживает Кеша. — А мне за консультации заплатят?

— Заплатят.

— Ура! — дракон хлопает крыльями. От ветра бумаги разлетаются по офису. — Тогда я первый консультацию дам: не подключайте древние артефакты к серверам. Чревато.

— Поздно, — вздыхаю я.

— Ну, для следующих разов.

Смотрю в окно. Солнце светит, город просыпается, где-то вдалеке видно, как над промзоной парит ещё один дракон — поменьше, явно молодой.

— Кеш, — зову я. — Там ещё один.

Кеша вытягивает шею, щурится.

— О, — говорит он узнающе. — Это ж мой! Златогор, сынок! Прилетел, значит. Я же говорил, что в городе лучше. Эй, Златик! — орёт он в окно. — Я тут! Спускайся, знакомиться будем!

Молодой дракон делает круг и начинает снижаться к нашей парковке. Теперь их там двое.

— У нас будет два дракона, — констатирует Марк. — Это ж сколько кристаллов надо для гармонии...

— Купим, — отмахивается начальник. — В расходы спишем.

Смотрю на всё это безумие: два дракона на парковке, го-

ворящий кот на столе, Марк с кристаллами, начальник, считающий налоги, Маша с открытым ртом, Костя с камерой. И вдруг понимаю, что улыбаюсь. Широко, искренне, впервые за долгое время.

— Арина, — говорит Байт, подходя ко мне. — Ты чего лыбишься?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Наверное, привыкла.

— К драконам?

— Ко всему. К драконам, к говорящим котам, к магии, к абсурду.

— Это хорошо, — одобряет Байт. — Привычка — вторая натура. А первая натура у тебя была сварливая и уставшая. Теперь будешь сварливая, уставшая, но с драконами.

— Умеешь ты утешить.

— Я кот. Наше дело — правду резать. Или мурлыкать, когда надо.

За окном приземляется Златогор. Молодой, худой, головы во все стороны смотрят. Кеша знакомит его с нами, машет лапой.

— Арин, Марк, знакомьтесь! Сын мой, Златогор. Три головы, как у папы, только одна постоянно в телефоне, вторая спит, третья в облаках витает. Весь в меня.

— Пап, — обижается Златогор. — Ну зачем ты так?

— Правда, сынок. Но ничего, в городе обживёшься, люди хорошие. Будешь стажёром.

— Стажёром? — переспрашивает Марк. — У нас уже есть

бюджет на стажёров?

— Теперь есть, — довольно потирает руки начальник. — Открываем вакансию «помощник дракона». Зарплата — овцы. Или рыба. Или фрукты. По запросу.

Златогор смущённо перебирает лапами.

— А можно я просто буду летать? Ну, помогать? Я быстро учусь.

— Будешь, — обещаю я. — Всё будешь. Добро пожаловать в команду.

Стоим все вместе: я, Марк, Байт, Кеша, Златогор, начальник, Маша, Костя. Солнце светит. Драконы переминаются с лапы на лапу. Кот мурлычет что-то себе под нос. И в этом безумии есть что-то правильное.

— Ну что, — говорит Марк, обнимая меня за плечи. — Техподдержка реальности, работаем?

— Работаем, — киваю я. — А что ещё остаётся?

!ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Девять утра. Солнечно, почти по-весеннему тепло, хотя на календаре ноябрь. На парковке двое драконов — Кеша и Златогор — греют бока, развалившись на асфальте как два огромных кота. Прохожие шарахаются, но некоторые уже привыкли и даже фоткаются на фоне чешуйчатых.

Захожу в офис и сразу замечаю: на двери появилась новая табличка. Бронзовая, с гравировкой: «Отдел техподдержки реальности и работы с мифическими существами (ОТРРС)». Рядом логотип — дракон, обнимающий розетку.

— Марк! — ору с порога. — Это что за хрень?

Марк высовывается из-за двери, довольно улыбаясь.

— Я! Красиво же! Заказал в мастерской у гномов, они за ночь сделали. Недорого, кстати. Всего три амулета отдали.

— Три амулета? У нас есть бюджет на амулеты?

— Ну, мы же техподдержка реальности. Теперь у нас всё есть.

Захожу внутрь и застываю. Офис преобразился. На столах появились дополнительные мониторы, на стенах — постеры с драконами, в углу — стойка с кристаллами. У Марка на столе целый иконостас: кристаллы, статуэтки, аромалампы, фотография Хокинга в новой рамке.

У стены, на отдельном возвышении, сидит Байт. Перед ним маленький столик, на столике — миска с водой, тарелка с вискасом и планшет. Кот смотрит на меня с выражением «ну наконец-то нормальные условия».

— Байт, — подхожу ближе. — Это что?

— Мой кабинет, — важно отвечает кот. — Я не могу работать в open space. Отвлекает. Там эти, — он кивает в сторону драконов, — шумят, летают, чешуёй сыпят. А мне сосредоточенность нужна. Я же начальник отдела по работе с жалобами.

— С каких это пор?

— С вчерашних. Игорь Викентьевич утвердил. У меня даже должностная инструкция есть. — Он пододвигает лапой бумажку. — Читай.

Беру, читаю. Там написано: «Начальник отдела по работе с жалобами. Обязан: принимать жалобы от мифических существ, координировать их решение, следить за дисциплиной в отделе, получать вискас раз в неделю».

— Вискас раз в неделю — это пункт в должностной инструкции?

— Самый важный, — кивает Байт.

Вбегает Маша с пачкой бумаг.

— Ариш! Тут из мэрии пришли методички! — вываливает кипу на мой стол. — Как работать с драконами: не кормить с рук, не гладить между голов без разрешения, предоставлять отгулы в полнолуние, учитывать трёхголовость при

расчёте налоговых вычетов...

— Там случайно нет инструкции, как не сойти с ума? — интересуюсь я.

— Есть, — Маша тычет пальцем в последнюю страницу. — Пункт 42: «В случае стресса рекомендовано пить чай с мятой и не думать о драконах».

— А если о них думают они сами? — киваю в сторону окна, где Кеша учит Златогора складывать крылья.

— Тогда пить чай с чем-то покрепче, — вздыхает Маша. Подбегает Костя, глаза горят, в руках распечатка.

— Народ! Я тут на сервере нашёл новый файл! Смотрите! — тычет в бумагу. — Там какие-то протоколы взаимодействия с параллельными мирами! Нам точно только драконы? Может, ещё кто-то откроется?

Смотрю на Байта. Байт смотрит на меня.

— Не смотри на меня, — говорит кот. — Я вообще не должен работать. Меня удивительно, что я до сих пор здесь сижу, а не сплю на батарее. Это всё магия, она меня бодрит.

— Байт, ты теперь начальник. Придётся работать.

— Начальники не работают, — философски замечает кот. — Начальники руководят. А руководство — это процесс наблюдения за тем, как работают другие. Так что я буду наблюдать. За вами. С вискасом.

Марк подходит к моему столу, протягивает маленький кристалл.

— Арина, держи. Для защиты от выгорания. Розовый

кварц. Для смягчения характера.

— Марк, у меня нормальный характер.

— У тебя прекрасный характер, — соглашается он. — Но с драконами, котами и налоговой смягчение не помешает.

Беру кристалл. Кручу в пальцах. Красивый. Тёплый.

— Спасибо, — бурчу я и кладу в карман.

Марк расплывается в улыбке и бежит к себе раскладывать новые кристаллы.

— Ариш, — шепчет Маша, наклоняясь ко мне. — А у вас с ним что?

— Ничего, Маша. Работаем вместе.

— А кристаллы зачем дарит?

— Для защиты.

— Ага, — многозначительно тянет Маша. — Я в его глазах защиту видела. Такую, знаешь, особую...

— Маша, иди отчёты доделывай.

Маша уходит, но на лице у неё написано: «Я всё вижу, я всё знаю».

Смотрю на кристалл в кармане. Потом на Марка, который раскладывает аметисты по радиусу. Потом на Байта, который с интересом наблюдает за этой сценой.

— Байт, — шепчу я. — Ты чего смотришь?

— Жду развития событий, — кот зевает. — Это интереснее, чем мыши. Мыши предсказуемые. А люди — нет. Особенно когда им дарят розовые кристаллы.

— Байт.

— Что?

— Иди работай.

— Я работаю, — кот кивает на планшет. — Читаю жалобы. Русалки просят утеплить пруд. Гномы — снизить налоги на добычу. Леший — запретить вырубку. Драконы — ипотеку. Скука.

— И что ты с этим делаешь?

— Распределяю. Русалок — к Марку, он с водой дружит. Гномов — к Кеше, он с ними на короткой ноге. Лешего — к тебе, ты с бюрократией лучше справляешься. Драконов — к Златогору, пусть молодёжь учится.

— Байт, ты гений.

— Я кот. Это почти одно и то же.

Двенадцать пятнадцать. Солнце в зените, тепло, на небе ни облачка. Драконы разлеглись на асфальте, занимая полпарковки. Кеша читает газету, Златогор листает что-то в телефоне, периодически икая с вылетанием маленьких дымовых колец. Выходим с Марком на улицу — размять ноги и заодно проведать чешуйчатых коллег.

Кеша поднимает голову при нашем приближении. Вид у него озабоченный. Вокруг, на асфальте, разложены кипы бумаг — официальные бланки, квитанции, какие-то справки.

— О, ребята! — оживляется он. — А я вас ждал! Помогите, а? А то у меня три головы, и каждая считает по-своему. Я уже запутался окончательно.

Подходим ближе. Смотрю на бумаги. Это налоговая декларация. Форма 3-НДФЛ. Но заполнена она так, что у меня глаза на лоб лезут.

В графе «Доходы» драконьим почерком выведено:

— Спаленные деревни (3 шт) — 15 век

— Похищенные принцессы (2 шт, возвращены) — 16 век

— Клад (не найден) — расходы на поиски

— Консультации для молодых драконов — 21 век

— Съёмка в рекламе шампуня — 2023 год

— Подработка в аэропорту (отпугивание птиц) — 2024 год

— Кеша, — говорю я медленно. — Ты не можешь указывать спаленные деревни как доход. Это было шестьсот лет назад. И потом, это не облагается налогом, если только ты не получал за это деньги.

— Ну, мне платили иногда, — задумчиво чешет подбородок центральная голова. — Золотом. Но я сдавал в ломбард. Чеки сохранились? — он копается в бумагах, достаёт пожелтевшие пергаменты. — Вот, смотрите. Ломбард «Драконьи сокровища», приём золота, 1578 год. Справка есть, с печатью.

— Кеш, — встревает Марк, разглядывая пергамент. — Это же на латыни написано.

— Ну да. Тогда латынь была официальным языком. А что?

— А налоговая примет документ на латыни?

— Должны, — пожимает плечами дракон. — Я же не виноват, что у них русский стал официальным только в 20 веке. Я отчитываюсь за всё время.

Вторая голова, та, что с телефоном, поднимает взгляд от экрана.

— Кеш, а ты в графе «расходы» учел содержание трёх голов? Иждивенцы же. Налоговый вычет положен.

— Учел, — кивает центральная. — Вот, смотрите: питание трёх голов (разные меню), одежда (три размера), гаджеты (три телефона), интернет (безлимитный, потому что одна голова постоянно в тиктоке). Ипотека на гнездо (с тремя комнатами). Лечение (чешуя дорогая, сами понимаете).

— Кеш, — я пытаюсь сохранять спокойствие. — В графе «расходы» нельзя указывать ипотеку как вычет. Только проценты.

— А, ну проценты я тоже указал. Отдельно. Там ещё пеня за просрочку в 18 веке — я тогда в спячку впал, забыл заплатить. Набежало, знаете ли...

Смотрю на эту кипу бумаг. Пергаменты, современные квитанции, справки на латыни, чеки из ломбардов, выписки из драконьих банков (оказывается, такие существуют).

— Марк, — зову я. — Садись, помогать будем.

Марк садится прямо на асфальт, достаёт блокнот.

— Кеш, давай по порядку. Все доходы за последние три года.

— За последние три года, — задумывается дракон. — Ну,

реклама шампуня — 50 тысяч. Подработка в аэропорту — 30 тысяч. Консультации — 20 тысяч. Ещё я в кино снимался, массовка, там дракон нужен был, три головы. Тысяч 5 дали.

— А остальное?

— Остальное — это древние доходы. Но они же тоже мои. Я за них налоги не платил, потому что налогов тогда не было. А теперь есть. Надо же отчитаться?

— Кеш, — вздыхаю я. — Налоги платят с доходов, полученных в текущем налоговом периоде. То есть в этом году. То, что было в 15 веке — это уже история.

— А если я те золотые монеты сейчас в банк понёс? — уточняет дракон. — Они же конвертируются в современные деньги. Значит, доход сейчас?

Замираю.

— Кеш, у тебя есть древние монеты?

— Ну, — дракон задумчиво чешет когтем асфальт. — Есть немного. В чулке лежат. На чёрный день. Но если их обменять, то да, доход.

— Кеш, это меняет дело.

— Ага! — радуется центральная голова. — Значит, я всё правильно заполнял?

— Нет, — Марк качает головой. — Но теперь мы хотя бы понимаем, в чём проблема.

Вторая голова пододвигает лапой ещё одну бумажку.

— А вот здесь мы указали льготы как многодетная семья. Три головы — три ребёнка. Подойдёт?

— Вы не многодетная семья, — объясняю я. — Вы один дракон с тремя головами. Это другое.

— А какая разница? — удивляется Кеша. — Голов три. Кормить трёх. Обувать-одевать трёх. Гаджеты покупать трём. Чем не дети?

— Тем, что у вас один паспорт, — говорю я. — И один ИНН.

— А вот и нет! — торжествующе заявляет вторая голова. — Мы оформили на каждую голову отдельный ИНН! Через гномью контору! У них связи в налоговой!

Смотрю на Марка. Марк смотрит на меня. Кеша довольно улыбается всеми тремя ртами.

— Кеш, — говорю я. — Вы гении.

— Ну, — скромничает дракон. — Три головы — три ума. Иногда они спорят, но иногда находят решения.

— Так, — Марк берёт инициативу. — Давай заполнять заново. Доходы за три года — отдельно. Древние монеты — как сбережения, их пока не трогаем. Льготы — как на иждивенцев, но с пояснением, что иждивенцы — это головы. Налоговый вычет на каждого. Должно сработать.

— А ипотека? — напоминает Кеша. — Проценты.

— И проценты. Обязательно.

Сидим на асфальте, заполняем бумаги. Кеша диктует, Марк пишет, я сверяюсь с инструкциями. Головы спорят, уточняют, иногда ссорятся. Златогор сидит рядом и учится — для него это первый опыт.

Через час декларация готова. Десять страниц убористого текста, пояснительные записки, справки на трёх языках, заверения гномьей печатью.

— Готово, — выдыхаю я. — Кеша, теперь отнести в налоговую.

— Я сам? — дракон заметно трусит.

— Сам. Ты же дракон. Ты должен быть смелым.

— Смелым я был в молодости. А сейчас я пенсионер с ипотекой. Мне страшно.

— Кеш, — утешает Марк. — Мы с тобой. Если что — поддержим.

Дракон вздыхает. Потом аккуратно, двумя когтями, берёт папку с документами.

— Ладно. Лечу. А вдруг меня там съедят?

— В налоговой? — смеюсь я. — Скорее ты их съешь.

— Я вегетарианец, — обиженно говорит третья голова, просыпаясь. — Я не ем людей.

— Я знаю. Лети уже.

Кеша расправляет крылья, поднимается в воздух, слегка покачиваясь от тяжести документов. Папка болтается в когтях, но держится крепко.

— Я быстро! — кричит он, набирая высоту. — Если что — звоните!

— У него есть телефон? — удивляется Марк.

— Есть. Три штуки. По одному на голову.

Смотрим, как дракон улетает в сторону центра. Над горо-

дом он смотрится величественно — чешуя блестит, крылья расправлены, солнце отражается.

— Красиво, — замечает Марк.

— Ага, — соглашаюсь я. — Главное, чтобы в налоговой не сожгли ничего.

— Кеша аккуратный. Он обещал.

Златогор подползает ближе.

— А мне тоже когда-нибудь придётся декларацию заполнять? — спрашивает он.

— Придётся, — киваю я. — Если работать будешь.

— А я буду! — оживляется он. — Я уже придумал: можно открыть доставку на драконе. Быстро, дёшево, сердито. Три головы — три заказа сразу!

— Идея неплохая, — хвалит Марк. — Только разрешение нужно.

— Какое?

— На коммерческие полёты. И страховку. И лицензию.

— Ого, — Златогор задумчиво чешет затылок. — А налоги с этого?

— И налоги.

— Сложно-то как, — вздыхает молодой дракон. — Ладно, пойду Ульяне расскажу. Она утешит.

И улетает в сторону пруда.

— У него Ульяна — это русалка? — уточняет Марк.

— Да. Влюбился, кажется.

— Межвидовая любовь, — мечтательно говорит Марк. —

Красиво.

— Межвидовая головная боль, — поправляю я. — Им же жить где-то надо. Он в воздухе, она в воде. Компромисс искать.

— Найдут, — уверен Марк. — Главное, чтобы любили.

Смотрю на него. Он смотрит на меня. На парковке тихо, только ветер шелестит бумагами, которые забыли собрать.

— Марк, — говорю я. — А ты веришь в любовь?

— Верю, — кивает он. — Особенно после того, как увидел дракона с тремя головами, который боится налоговой. После такого и в любовь поверишь, и в магию, и в говорящих котов.

— Логично.

— А ты?

— Я? — задумываюсь. — Я, наверное, начинаю верить. Во всё сразу.

Марк улыбается и берёт меня за руку. Я не отдёргиваю. На парковке тихо, солнце греет, и даже ноябрь кажется не таким уж холодным.

Пятнадцать ноль-ноль. За окном начало смеркаться, но всё ещё тепло — аномалия какая-то, но после говорящего кота и трёхголового дракона погодные аномалии уже не впечатляют. В переговорке душно, пахнет кофе и чужим парфюмом. Напротив меня сидит мужчина в строгом костюме — Пётр Сергеевич, представитель мэрии. Вид у него такой, будто он пришёл закрывать наш офис за неуплату, но пока

держится.

— Итак, — Пётр Сергеевич поправляет очки, раскладывает на столе бумаги. — ООО «Код Абсурда». У вас на балансе числится мифическое существо — дракон трёхголовый, 1452 года рождения, пол — сложно. Нам нужно провести инвентаризацию.

Смотрю на Марка. Марк смотрит на меня. Пётр Сергеевич ждёт ответа, постукивая ручкой по столу.

— Понимаете, — начинаю я осторожно. — Он не на балансе. Он просто... прилетел. Временно. В гости.

— Если существо находится на территории предприятия более 24 часов, — строго говорит чиновник, заглядывая в методичку, — оно подлежит постановке на учёт. У вас оно находится третьи сутки. Составляем акт приёма-передачи.

— Акт приёма-передачи дракона? — уточняет Марк. — Такая форма существует?

— Будем разрабатывать, — невозмутимо отвечает Пётр Сергеевич. — У нас в мэрии есть отдел по работе с нестандартными ситуациями. Пока будем использовать форму ОС-1 — для основных средств. Дракон подходит как основное средство? Или как нематериальный актив?

— Он вполне материальный, — вставляет Марк. — Я его трогал. Чешуя твёрдая, тёплая.

— Значит, основное средство, — кивает чиновник, делая пометку. — Амортизация... Как думаете, какой срок полезного использования у дракона?

— Тысячи полторы лет, — предполагаю я. — Он же бессмертный почти.

— Маловато, — вздыхает Пётр Сергеевич. — У нас по нормативам максимум 50 лет для основных средств. Придётся продлевать через спецкомиссию.

В этот момент дверь переговорки приоткрывается, и внутрь просовывается драконья голова. Та, что с телефоном.

— А чё, Кешу обсуждаете? — интересуется она. — Я могу подключиться, у меня вайфай ловит.

Пётр Сергеевич медленно поворачивается. Очки сползают на нос. Ручка замирает в руке.

— Это... — голос у него садится. — Это он?

— Одна из голов, — уточняет Марк. — Их три. Эта — Читающая. Она в телефоне постоянно сидит. А вот Спящая сейчас дрыхнет, а Говорящая в налоговую улетела, декларацию сдавать.

— В налоговую, — эхом повторяет чиновник. — Декларацию.

— Да, у них там ипотека, вычеты, всё как у людей.

Пётр Сергеевич достаёт платок, промокает лоб. Потом смотрит на меня.

— Арина, скажите честно, это всё взаправду? Или меня разыгрывают? Скрытая камера? Я в программе «Розыгрыш»?

— К сожалению, нет, — вздыхаю я. — Это реальность. Новая реальность. Мы тут пытаемся как-то адаптироваться.

— А дракон... он не опасен?

— Кеша? — Читающая голова обиженно надувается. — Мы вообще-то безобидные. Ну, в смысле, я безобидная. Я только в телефоне сижу. Спящая вообще ничего не делает, только храпит. Говорящая — да, болтливая, но тоже добрая. Мы овец не едим даже. Я вегетарианец.

— Вегетарианец, — повторяет чиновник. Записывает в блокнот: «Голова №2 — вегетарианец».

— А вы запишите, что у нас раздельное питание, — советует голова. — Для налоговой полезно. Расходы больше.

Пётр Сергеевич смотрит на меня.

— Она права, — подтверждаю я. — Разные меню — разные расходы. Мы уже консультировались.

Чиновник делает ещё пометки. Рука у него слегка дрожит.

— Так, — говорит он, пытаясь вернуть контроль. — Давайте по порядку. Дракон будет оформлен как... как консультант по нестандартным ситуациям. С окладом согласно штатному расписанию. Головы считаются иждивенцами или отдельными сотрудниками?

— У нас три головы, — встревает Читающая. — Мы хотим отдельные трудовые книжки.

— Не положено, — качает головой Пётр Сергеевич. — Один дракон — одна трудовая. Но можно сделать приложение, где будут указаны все головы с их функционалом.

— А премия? — не унимается голова. — Нам троим или одна на всех?

— На всех, но с учётом коэффициента 1.5 за многоголо-
вость.

— А почему 1.5, а не 3?

— Потому что вы всё-таки одно тело. Ноги одни, хвост
один.

— Ноги да, — задумчиво соглашается голова. — Ладно,
1.5 так 1.5. Но питание отдельно!

— Питание — за счёт предприятия, — киваю я. — У нас
уже заложено в бюджет.

Пётр Сергеевич закрывает блокнот. Смотрит на меня, на
Марка, на драконью голову в окне.

— Арина, — говорит он устало. — Я доложу начальству.
Возможно, потребуется создать отдельный классификатор
для мифических существ. Пока будем работать в ручном ре-
жиме. Все документы оставьте у себя, я пришлю курьера за
копиями.

— Хорошо, — киваю я. — А с драконом что делать?

— Ничего не делать. Пусть живёт. Только чтоб порядок
был. И документы чтоб в порядке.

Он встаёт, собирает бумаги. Направляется к двери, но на
пороге останавливается, оборачивается.

— А кот у вас правда говорящий?

— Правда, — подтверждает Марк.

— И что говорит?

— Требует вискас и отдельный кабинет.

Пётр Сергеевич вздыхает.

— Ладно. Хотя не икру. До свидания.

Выходит. Через минуту видно в окно, как он идёт к машине, постоянно оглядываясь на драконов.

— Ну что, — говорю я. — Пронесло.

— Ага, — кивает Марк. — Я думал, хуже будет.

Читающая голова довольно улыбается.

— А я помогла! — заявляет она. — Надо Кеше рассказать, пусть знает, что от меня польза есть.

— Есть, есть, — успокаиваю я. — Большая польза.

Голова исчезает. Мы остаёмся вдвоём.

— Марк, — говорю я. — У нас теперь официально дракон в штате.

— И кот-начальник.

— И русалки на подходе.

— И гномы.

— И леший где-то.

— Арина, — Марк смотрит на меня серьёзно. — А ты не жалеешь?

— О чём?

— О том, что всё так повернулось. Что вместо спокойной работы у нас теперь зоопарк.

Смотрю на него. Думаю.

— Знаешь, нет, — отвечаю честно. — Скучно было. А теперь — весело.

Марк улыбается.

— Я тоже не жалею. Особенно что тебя встретил.

— Марк, это работа.

— И работа тоже. Но не только.

Отвожу взгляд. Краснею. Опять.

— Ладно, — встаю. — Пошли работать. У нас там русалки на проводе.

Восемнадцать тридцать. За окном темно, фонари на парковке зажглись, освещая спящих драконов. Кеша и Златогор свернулись клубками, укрывшись крыльями, изредка похрапывая с вылетанием искр. В серверной тихо, только гудит оборудование. Сажусь за столом, смотрю на артефакт. Он теперь не подключён, просто лежит на столе, пульсирует еле заметно — синий свет то затухает, то разгорается, как дыхание.

Марк заходит, ставит рядом две кружки с чаем. Мятный — уже без напоминаний знает, что я люблю.

— Думаешь, он ещё опасен? — кивает на артефакт.

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Байт сказал, что магия зафиксировалась. Значит, артефакт выполнил свою функцию. Но что будет, если его снова включить — непонятно.

— А давай не будем включать, — предлагает Марк, садясь рядом.

— Давай.

Пью чай молча. В серверной уютно, тепло, пахнет мятой и озоном. Артефакт мерцает в такт нашим дыханием. Или кажется.

Дверь открывается. Входит Байт. В прямом смысле входит — подпрыгивает, нажимает лапой на ручку, толкает дверь и заходит. Гордый, как лев.

— Байт, — я чуть не давлюсь чаем. — Ты дверь открываешь?

— Я кот, а не декоративная подушка, — важно заявляет он, запрыгивая на свободный стул. — Конечно, открываю. Просто раньше не было необходимости демонстрировать. А теперь я начальник отдела, мне положено.

— Тебе положено спать на батарее и есть вискас.

— Это дополнительные опции. Основная работа — руководство.

Марк протягивает коту блюдо с молоком (он всегда носит с собой, предусмотрительный). Байт одобрительно кивает и принимается лакать.

— Байт, — я киваю на артефакт. — Расскажи про него. Ты же в курсе?

Кот поднимает голову, вытирает усы лапой.

— Это Глаз Ра. Древний артефакт, который исполняет желания, но интерпретирует их буквально. Как джинн, только без бутылки и с чувством юмора. Вы подключили его к серверу с прогнозом апокалипсиса. Он начал материализовывать то, что считал «желаниями пользователей». Пользователи — ваш алгоритм. Он брал данные из городского фольклора, слухов, страхов.

— И поэтому появились драконы?

— И поэтому. И налоги на магию. И я говорящий. Кстати, спасибо. А то знаешь, сколько лет копилось того, что хочется сказать людям? Я мог бы книгу написать. «Кот на батарее: заметки наблюдателя».

— Байт, ты серьёзно?

— Нет, шучу. Писать лень. Я лучше буду рассказывать. Вслух. Теперь могу.

— А почему ты заговорил именно сейчас? — спрашивает Марк.

— Потому что всегда хотел. Просто не мог. А артефакт дал такую возможность. Исполнил моё глубинное кошачье желание — обрести голос. Ну и вискас, конечно, но вискас я и так получал.

Смотрю на артефакт. Он мерцает ровно, спокойно.

— И что теперь с ним делать? — спрашиваю я.

— Хранить, — отвечает Байт. — Это как ядерная кнопка, только магическая. Мало ли, пригодится. Если что-то пойдёт не так — можно будет активировать снова. Но осторожно.

— И как его хранить?

— В сейфе. Под замком. И чтобы рядом не было никаких серверов, компьютеров и особенно генераторов случайных чисел.

— У нас есть сейф, — вспоминает Марк. — В кабинете начальника. Старый, ещё с советских времён.

— Подойдёт, — кивает Байт. — Главное, чтобы ключ не потеряли.

— А если украдут?

— Кому нужен древний артефакт? — пожимает плечами кот. — Разве что коллекционерам. Но коллекционеры магических древностей теперь будут к нам приходить за консультацией. Мы же техподдержка реальности.

— Байт, ты пугаешь своей деловитостью.

— Я кот. Я всегда был деловитым. Просто вы, люди, не замечали. Думали — спит, ест, орёт по ночам. А я работал. Наблюдал, анализировал, делал выводы.

— И какие выводы?

— Вывод простой: люди — странные. Но вы, — он смотрит на меня и Марка, — выносимые. Даже симпатичные. Для людей.

Марк довольно улыбается.

— Байт, ты нас полюбил?

— Я кот. Я никого не люблю. Я позволяю себя любить. Это разные вещи.

— А вискас ты любишь?

— Вискас — да. Вискас вне категорий.

Смеюсь. Байт довольно щурится. Марк подливает ему ещё молока.

— Ладно, — говорю я, вставая. — Пора артефакт прятать. Марк, тащи сейф.

Марк убегает. Мы с Байтом остаёмся вдвоём.

— Байт, — тихо спрашиваю я. — А что будет дальше?

— Дальше? — кот задумывается. — Дальше будет жизнь.

Драконы будут платить налоги. Русалки — получать прописку. Гномы — открывать бизнес. Лешие — озеленять города. А вы с Марком — будете это координировать.

— И всё?

— И всё. А что ты хочешь? Апокалипсиса? Он уже был. Теперь просто жизнь. С магией, но жизнь.

— А если мы не справимся?

— Справитесь, — уверенно говорит Байт. — Ты умная. Марк — креативный. Кеша — мудрый. Златогор — молодой и быстрый. Я — хитрый. Идеальная команда.

— Ты правда так думаешь?

— Я кот. Я всегда прав.

Заходит Марк, тащит небольшой сейф — старый, зелёный, с ржавыми углами.

— Нашёл! — пыхтит он. — Игорь Викентьевич разрешил. Сказал: «Прячьте, чтоб никто не нашёл, особенно налоговая».

Открываем сейф. Кладём артефакт внутрь. Закрываем. Крутим колёсико. Щелчок.

— Готово, — выдыхаю я.

— Красиво было, — вздыхает Марк. — Жалко немного.

— Чего жалко?

— Приключений. Интересно же было.

— Марк, у нас теперь вся жизнь — приключение. С драконами, русалками и говорящим котом.

— Это да, — соглашается он. — Но артефакт — это было

что-то особенное.

— Артефакт останется с нами. В сейфе. Как память.

Байт спрыгивает со стула, направляется к двери.

— А я спать, — заявляет он. — Завтра трудный день. Буду жалобы разбирать. И вискас требовать.

— Байт, — окликаю я. — Спасибо.

Кот останавливается, оборачивается.

— За что?

— За то, что ты есть. И за то, что говоришь.

— Пожалуйста, — кивает он. — Только вискас не забывай. Это главное.

И уходит, гордо подняв хвост.

— Арина, — говорит Марк. — А давай его начальником отдела и правда оставим? Он справляется лучше нас.

— Давай, — соглашаюсь я. — Тем более он уже сам себя назначил.

Стоим в серверной, смотрим на сейф. Внутри мерцает артефакт — еле заметно, через стенки. Как напоминание о том, что магия рядом. Всегда.

Двадцать два часа. Над городом звёздное небо — чистое, холодное, ноябрьское, но сегодня почему-то особенно красивое. Наверное, из-за магии. Или просто повезло. Сажу на крыше офиса, свесив ноги, смотрю на огни внизу. Выход есть через пожарную лестницу — я нашла его ещё в первый месяц работы, когда пряталась от дедлайнов.

Сзади шаги. Тяжёлое дыхание. Марк.

— Арина, — пыхтит он, поднимаясь. — Ты чего тут? Замерзнешь же. Ноябрь всё-таки.

— Хочется подумать, — не оборачиваясь, отвечаю я. — Много всего.

Марк садится рядом. Протягивает термос.

— Чай. С мятой и ромашкой. Для успокоения.

— Ты всегда носишь с собой термос?

— С тех пор как ты стала моей напарницей — да. Ты много нервничаешь.

Беру термос, грею руки. Чай горячий, вкусный, действительно успокаивает.

— Марк, — говорю я. — А ты не жалеешь, что всё так вышло? Что ты в это ввязался? Мог бы просто работать фронтером, раскладывать кристаллы, ни за что не отвечать.

— Жалею? — он искренне удивляется. — Да это лучшее, что со мной было! Я всегда мечтал, что мир не такой скучный. Что есть что-то за пределами кода, дедлайнов и кофе. А тут — драконы, магия, говорящий кот. И ты.

— Я — что?

— Ты — как чистый код после месяца работы с легаси. Понятная, красивая, надёжная. И при этом живая.

Смеюсь.

— Марк, ты сравниваешь меня с кодом?

— Это лучшее, что я могу сказать как программист, — он пожимает плечами. — Ты прекрасна. И я рад, что мы в

этом бардаке вместе.

Смотрю на него. На его лохматые волосы, на клетчатую рубашку, на глаза, в которых отражаются звёзды. И вдруг понимаю, что не представляю свою жизнь без него. Без его дурацких кристаллов, без его улыбки, без его веры в магию.

— Знаешь, — тихо говорю я. — Я всегда думала, что магия — это сказки. Для детей, для наивных. А теперь у меня дома кот командует, на работе дракон заполняет декларации, а ты... ты носишь кристаллы и веришь в энергетику. И я... я начинаю в это верить.

— Правда?

— Правда. Потому что иначе как объяснить, что я сижу здесь с тобой и мне тепло? Несмотря на ноябрь, на ветер, на всё.

Марк улыбается. Берёт меня за руку. Я не отдёргиваю.

— Арина, — говорит он. — Можно тебя поцеловать?

— Марк, это так по-подростковому.

— Ну да. А я по-другому не умею. Я же эзотерик, а не Казанова.

Смеюсь. И киваю.

Он целует меня. Осторожно, нежно, будто я хрустальная. И мне хорошо. Тепло. Спокойно.

Снизу доносится голос Кеши:

— Ребята, вы там на крыше? Аккуратнее, там край скользкий! Я если что поймаю! У меня когти острые!

Отрываемся друг от друга, смеёмся.

— У нас дракон — сваха, — говорю я.

— А кот — психолог, — добавляет Марк. — Отличная команда.

— Да уж. Лучше не придумашь.

Смотрим на звёзды. Сидим, прижавшись друг к другу.

Внизу город шумит, но здесь, на крыше, тихо и уютно.

— Арина, — говорит Марк. — А ты веришь, что у нас всё получится?

— Во что?

— Во всё. В техподдержку реальности. В драконов, в русалок, в нас.

— Верю, — отвечаю я. — Странно, но верю.

— Почему странно?

— Потому что я всегда была циником. А теперь... теперь я сижу на крыше с парнем, который верит в кристаллы, и мне кажется, что это правильно.

— Это правильно, — уверенно говорит Марк. — Потому что без капли безумия жизнь скучная.

— А с безумием — опасная.

— Зато интересная.

Соглашаюсь. Смотрю вниз. На парковке Кеша переворачивается на другой бок, Златогор рядом дремлет. Где-то в пруду Ульяна и Рада поют русалочьи песни. В подвале Кика возится с мышами. В промзоне Панкрат сажает новую ёлку. А мы здесь, на крыше, и это наш город. Наш безумный, магический, абсурдный город.

— Марк, — говорю я.

— М?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что пришёл в мою жизнь. Со всеми своими кристаллами.

— Пожалуйста, — он улыбается. — А ты — за то, что не выгнала меня в первый же день.

— Я пыталась.

— Но не выгнала.

— Не выгнала.

Сидим дальше. Молчим. Хорошо.

Внизу Кеша просыпается, смотрит наверх, довольно улыбается всеми тремя головами и снова засыпает.

— Кажется, у нас есть благословение дракона, — замечает Марк.

— И кота, — добавляю я. — Байт сказал, что ты «выносимый».

— Это комплимент?

— Для Байта — высшая похвала.

— Тогда я счастлив.

Смеёмся. Звёзды светят. Впереди целая жизнь. Безумная, магическая, но наша.

!ГЛАВА 6. МАГИЧЕСКИЙ КОММУНАЛ

Просыпаюсь от того, что Байт сидит у меня на груди. Восемь килограммов кошачьей серьёзности, утрамбованные в компактную позу «я тут главный». Он смотрит на меня в упор зелёными глазищами, и в этом взгляде читается всё: и осуждение за поздний подъём, и требование завтрака, и лёгкое презрение к человеческой расе в целом. Смотрит и молчит. Просто сидит и ждёт, когда до меня дойдёт.

— Чего? — хриплю я, пытаюсь открыть глаза. Во рту пустыня Сахара, язык распух и отказывается ворочаться. Голос звучит как у персонажа хоррора, который уже умер, но ещё надеется дожить до рассвета.

— У тебя будильник звонил двадцать минут назад, — спокойно сообщает кот. Голосом уставшего профессора, который уже сто раз объяснял теорему и устал это делать. — Я выключил, потому что мелодия раздражала. Эти ваши попки действуют на кошачью нервную систему хуже валерьянки. Но вставать всё равно пора. И мне нужен завтрак.

— Ты выключил мой будильник? — пытаюсь возмутиться, но получается жалкое сипение.

— Я кот. Я имею право.

— Ты начальник отдела.

— Тем более, — Байт спрыгивает с меня и направляется к двери, даже не оборачиваясь. — Начальники не должны слушать дурацкие мелодии по утрам. Это нарушает энергетику рабочего дня. И вообще, я проголодался. Давай шевелись.

Спорить с котом, который вчера цитировал Ницше (в пересказе для кошек), бесполезно. Встаю, натягиваю домашние штаны и бреду на кухню. Пол холодный, ноги мёрзнут, но Байту плевать — он уже сидит на своём месте у стола и постукивает хвостом ритм по стулу. Нетерпеливый.

Открываю кран умыться. Из крана течёт вода. Прозрачная. Обычная. Ну, слава богу, без сюрпризов. Умываюсь, чищу зубы, чувствую себя почти человеком.

Иду на кухню, включаю чайник. Чайник щёлкает, загорается лампочка — и вдруг вода закипает мгновенно. Быстрее, чем обычно. Быстрее, чем технически возможно. Из носика вырывается не пар, а маленькие радуги. Настоящие, цветные, переливаются в воздухе, кружатся и медленно тают, оставляя лёгкое сияние.

— Байт, — зову я обречённо. — У меня чайник радугу пускает.

Кот заходит на кухню, садится, наблюдает за радугами с профессиональным интересом.

— Красиво, — комментирует он. — Продай как дизайнерский. В инстаграме такие вещи за бешеные деньги уходят. Блогеры любую магию с руками оторвут.

— Я не буду продавать чайник, который пускает радугу.

Мне чай нужен.

— Зря. Могли бы на вискас заработать. Я, между прочим, дорогой кот, меня качественным кормом кормить надо.

Игнорирую его. Наливаю чай. Чай как чай, обычный, радуги исчезли, всё нормально. Беру хлеб, кидаю в тостер. Тостер жужжит, греется — и вдруг подпрыгивает. Буквально. Подпрыгивает на столе, делает полный оборот в воздухе и приземляется точно на то же место. Потом динамиком, явно не заводским, выдаёт бодрым голосом: «ГОТОВО! ХЛЕБ ГОТОВ! ПРИЯТНОГО АППЕТИТА, ХОЗЯЙКА!»

Замираю.

— Байт, — зову я. — Тостер говорит.

— Нет, — доносится из комнаты. — Это просто звуковой сигнал. Усовершенствованный. Но да, он теперь умеет говорить «ГОТОВО». И ещё «ВСТАВЬТЕ ХЛЕБ, Я СКУЧАЮ». Раздражает, но терпимо. Привыкнешь.

— С каких пор?

— С тех самых. Артефакт, помнишь? Магия в быту. Теперь вся техника будет немного... странной. Я же тебе говорил: фиксация реальности. Это не только драконы и говорящие коты. Это всё. Постепенно.

— И что, теперь каждый тостер будет петь?

— Не каждый. Только тот, который попал под воздействие. У нас, видимо, в квартире сильный магический фон. Я же светился, помнишь? И ты чай с радугой пила. Так что да, тостер теперь твой друг. Смирись.

Достаю хлеб. Хлеб начинает светиться. Слабо, еле заметно, но светится — зеленоватым, как старая неоновая вывеска. Кладу его на тарелку, смотрю. Хлеб лежит, светится, не убегает. Уже хорошо.

— Байт, это нормально?

— Это плесень? — кот появляется в дверях, принюхивается.

— Нет, это свечение.

— Магический фон, — Байт подходит, нюхает хлеб, морщится. — Ешь, не отравишься. Даже полезно, говорят. Наполняет энергией. Витамин «М» — магический.

— Кто говорит?

— Коты. Мы всё знаем про энергию. Мы же с ней спим, едим, играем. У нас тонкое чутьё.

Жую светящийся хлеб. На вкус — обычный. Даже приятный. С маслом. Масло тоже светится, кстати. Завтрак магического айтишника: светящийся бутерброд и чай с радугой.

— Байт, — говорю с набитым ртом. — А у тебя голос не пропадёт? Ну, вдруг это временно?

— Не знаю, — кот задумчиво чешет лапой за ухом. — Я сам удивлён, что до сих пор говорю. Но, судя по всему, это надолго. Артефакт зафиксировал изменения. Так что привыкай, хозяйка. Теперь я твой вечный собеседник. И критик. И начальник.

— Начальник — это громко сказано.

— Для кота — в самый раз. — Он гордо поднимает хвост.

— Я, между прочим, единственный в мире говорящий кот с официальной должностью. Это надо ценить.

Собираюсь на работу. Одеваюсь, хватаю сумку, проверяю ключи. На пороге оборачиваюсь. Байт сидит перед телевизором. Телевизор выключен, чёрный экран, но кот смотрит в него как в зеркало, поворачивая голову то влево, то вправо. Любуется собой.

— Байт, ты чего?

— Я красивый, — не оборачиваясь, отвечает он. — Просто наслаждаюсь этим фактом. Ты иди, я тут ещё посижу, полюбуюсь.

— Ты с ума сошёл?

— Я кот. Я всегда был таким. Просто теперь вы это видите. Имей в виду, вечером жду отчёт о рабочем дне и вискас. Без вискаса не слушаю.

Качаю головой и выхожу. В подъезде слышно, как из моей двери доносится: «ГОТОВО! ПРИХОДИТЕ ЕЩЁ!» — тостер снова подпрыгнул. Видимо, сам себе сделал тост и теперь радуется жизни. Магической жизни.

Закрываю дверь квартиры, проверяю ключи — на месте. В подъезде тихо, только лифт гудит где-то на верхних этажах. Нажимаю кнопку вызова и замираю. Из динамиков лифта доносится музыка. Не стандартная «В лесу родилась ёлочка», которую крутят тут с советских времён, а нечто эпичное. Оркестр, валторны, барабаны — похоже на саундтрек к

«Властелину колец», когда герои выходят в решающий бой.

Лифт приезжает, двери открываются. Я захожу. Женский голос, приятный, с лёгким эхо, торжественно произносит:

— Путешествие начинается, храбрая воительница! Желаю удачи в вашем квесте! Пусть магия будет на вашей стороне!

— Спасибо, — машинально отвечаю я и понимаю, что разговариваю с лифтом.

Лифт довольно гудит и начинает спуск. Всю дорогу играет эпичная музыка, а на табло вместо номеров этажей высвечиваются странные надписи: «Уровень 1 — Подземелье», «Уровень 2 — Испытание», «Уровень 3 — Финал». Выхожу на первом этаже под финальный аккорд и чувствую себя героиней, только что завершившей сложный квест.

Во дворе жизнь кипит. Тётя Зина, наша консьержка, поливает цветы в палисаднике. Тёте Зине шестьдесят пять, у неё рыжие крашеные волосы, вечная кошка Муська на плече и неубиваемый оптимизм. Сейчас она стоит с лейкой, а цветы... поют. Петунии, бархатцы, какие-то жёлтые шарики — все раскрыли бутоны и выводят рулады. Не хором, а по очереди, будто у них сольная программа.

— Ариша! — тётя Зина замечает меня, сияет как начищенный самовар. — Смотри, что делается! Петунии теперь поют! Я им воду, а они мне серенады! Вчера весь вечер слушала, даже телевизор не включала!

— Тётя Зина, — осторожно говорю я, подходя ближе. —

Это ненадолго, наверное. Скоро пройдёт.

— А пусть поют! — отмахивается она, и цветы в ответ берут особенно высокую ноту. — Веселее! Вон у Петровны кактус зацвёл в ноябре, тоже светится. Она его на подоконник поставила, а он ночью как засияет — всю кухню осветил. Экономия на электричестве! А у Василича телевизор сам каналы переключает и комментирует новости. Сидит, смотрит, а телевизор говорит: «А теперь посмотрим криминальную хронику, хозяин, там твой сосед опять буянил».

— И Василич как?

— Привыкает. Водку с телевизором делит. Наливает в рюмку, телевизору в динамик предлагает. Телевизор не пьёт, но благодарит. Культурно так, вежливо.

Рядом с подъездом мужик пытается завести машину. Старенькие «Жигули», помятые жизнью, но гордые. Мужик поворачивает ключ, стартер рычит, но двигатель даже не чихает. Зато из-под капота доносится голос. Глухой, басовитый, с хрипотцой:

— Бензин закончился, хозяин. Я же вчера лампочкой мигал. И вообще, я сегодня не в настроении. Выходной у меня. Дай отдохнуть.

Мужик крестится. Потом лезет в багажник, достаёт бутылку святой воды — откуда она у него, понятия не имею — и начинает прыскать на капот, бормоча «Отче наш».

— Помогает? — интересуюсь я, проходя мимо.

— Не знаю, — честно признаётся мужик. — Но машина

пока не завелась. Зато разговаривать начала. Третью неделю беседуем. О жизни, о политике, о женщинах. Умная, зараза. Всё про меня знает, все маршруты помнит.

— И что советует?

— Бензин залить советует. И масло поменять. И вообще, говорит, купи новую, старая я уже. Но мне старой жалко. Мы столько лет вместе.

Прохожу дальше, к остановке. Дети в песочнице. Песок светится мягким золотистым светом, как будто в нём рассыпали люминофор. Дети в восторге — лепят куличики, и те светятся изнутри, переливаются, отбрасывают тёплые блики на лица.

Одна мама в панике мечется вокруг:

— Маша, не ешь песок! Он радиоактивный! Слышишь? Выплюнь немедленно!

Маша лет четырёх, с круглыми глазами и светящимися губами:

— Мама, он сладкий! Как лимонад! И светится внутри, когда глотаешь!

— Боже, — мама хватается за сердце. — Она теперь светиться будет изнутри!

— Не волнуйтесь, — подхожу я. — Это не радиоактивный. Это магический. Безопасно. У меня кот говорящий, хлеб светится, чайник радугу пускает — и ничего, жива пока.

Мама смотрит на меня как на сумасшедшую, но поче-

му-то успокаивается.

На скамейке сидят бабушки — местный новостной канал, аналитический центр и совет старейшин в одном флаконе. Все в сборе: тёща Петровна, баба Нюра, дед Степаныч (он давно уже с ними, хоть и мужик). Обсуждение идёт активное, руками машут, пальцами тычут.

— А моя кошка вчера сказала «дай рыбы», — вещает тёща Петровна, разводя руками. — Я думала, показалось. Думаю, старая, деменция начинается. А она опять — «рыбы, говорю, дай»! И так настойчиво, с выражением! Я чуть не упала! Второй раз за неделю! Сегодня утром опять потребовала, уже с утра. И не просто мяукает, а прямо словами!

— А моя не говорит, — вздыхает баба Нюра. — Зато кактус зацвёл. В ноябре! И светится! Я его на подоконник поставила, думала, содохнет от холода, а он — на тебе. Цветёт и светится. И пахнет странно, то ли валерьянкой, то ли ещё чем. Коты наши с ума сходят, к окну бегут, носы жмут.

— Это всё эксперименты с погодой, — авторитетно заявляет дед Степаныч, поправляя кепку. — Я же говорил, не доведут они до добра. Гоняют там облака, кислотой поливают, чипы в вакцины добавляют. Вон в прошлом году снег в мае был, а теперь кактусы светятся и кошки говорят. Ждите землетрясения. Или нашествия инопланетян.

— Драконов уже дождались, — вставляет тёща Петровна. — Вон над промзоной летают, люди видели. Трёхголовые.

— Трёхголовые? — оживляется дед Степаныч. — Это уже

серьёзно. Это, может, и не инопланетяне вовсе, а наши, древние. Проснулись, значит. Я в газете читал, что в 15 веке тут драконы водились. Исторический факт.

— Ты читать умеешь? — сомневается баба Нюра.

— Мне внучка читает. Я слушаю. Голова ещё варит, хоть и старая.

Ускоряю шаг. За спиной слышно, как бабушки продолжают обсуждать мировые новости, перемежая их местными сплетнями. Жизнь идёт своим чередом, даже несмотря на магию.

На остановке жду маршрутку. Рядом мужик с авоськой, полной светящихся продуктов. Хлеб светится зелёным, молоко — голубым, яйца — розовым. Мужик смотрит на это добро философски.

— К завтраку теперь всегда шоу, — говорит он, заметив мой взгляд. — Яичница горит, бутерброды светятся. Внуки в восторге. Жена ругается, говорит, отравимся. А мне нравится. Красиво. И в темноте есть можно, свет включать не надо. Экономия.

Подходит маршрутка. Захожу, плюхаюсь на сиденье. В маршрутке играет радио — обычное, не магическое. Слава богу. Хотя диктор периодически икает, и из динамиков вылетают маленькие искры. Но это мелочи.

Еду на работу. В голове крутятся мысли о говорящих ко-тах, поющих цветах и светящихся продуктах. Жизнь определённо налаживается. Магически.

Девять ноль-ноль. Захожу в офис и сразу понимаю: сегодня будет весело. У дверей отдела техподдержки реальности — очередь. Буквально живая очередь из существ, которых месяц назад я бы приняла за галлюцинацию, а сейчас воспринимаю как обычных клиентов.

У дверей сидят: гном. Маленький, коренастый, с длинной седой бородой, в каске и с киркой за поясом. Рядом с ним — русалка в тазу с водой. Таз стоит на тележке, которую приказал, судя по всему, тот же гном. Дальше — домовой. Лохматый, ворчливый на вид, сидит на корточках и что-то бубнит под нос. И обычная женщина с авоськой, полной продуктов, — единственное нормальное существо в этой компании.

Маша мечется между ними с папкой в руках, пытаюсь создать видимость организованной работы.

— Граждане, занимайте очередь! По одному! Не толпимся! Кто первый?

Гном вскакивает, поднимает руку с зажатой в ней справкой:

— Я первый! Я записывался! У меня профсоюзная путёвка! Ещё вчера звонил, мне сказали — приходите утром!

Русалка плещет хвостом, вода выплёскивается из таза на пол:

— Я вообще без воды засохну! Пропустите женщину с ребёнком! — она показывает на свой хвост, явно намекая, что ребёнок — это она сама в каком-то смысле.

Домовой ворчит:

— А я с ночи тут сижу! У меня очередь по записи? Нет! По факту! Кто первый пришёл — того и обслуживают!

Обычная женщина молчит, только смотрит на всё это с круглыми глазами и периодически крестится.

— Марк! — зову я. — Что это?

Марк высовывается из-за двери, довольно улыбаясь во весь рот:

— Это клиенты! У нас отдел техподдержки реальности! Работаем! Я уже принял троих, этих пока не успел. Ты как раз вовремя!

— Каких троих?

— Леший приходил, жаловался на вырубку. Кикимора — на шумных соседей. Дракон молодой — просил стажировку. Я всех записал, раздал памятки, кристаллами зарядил на удачу. Всё по протоколу!

— У нас есть протокол?

— Теперь есть. Я его ночью написал. На основе эзотерических практик и трудов Хокинга.

— Марк, Хокинг был физиком, а не эзотериком.

— Физика и эзотерика — это одно и то же, просто на разных языках. Ты не понимаешь, потому что у тебя третья чакра заблокирована.

Пропускаю это мимо ушей. Захожу в кабинет. Там уже сидит Байт за отдельным столиком — ему действительно сделали мини-кабинет в углу, с мягкой подушкой и маленьким

ноутбуком. Кот тыкает лапами в клавиши с удивительной ловкостью.

— Байт, — подхожу я. — Ты чего делаешь?

— Завёл электронную очередь, — не отрываясь от экрана, отвечает он. — У нас пятнадцать заявок на сегодня. Гном хочет льготы для шахтёров — он шахтёр, пятьсот лет стажа, представляет? Русалка — прописку в городском пруду. Домовой — чтобы в офисе номер пять перестали курить, ему дышать нечем, астма у него, видите ли. Женщина обычная — у неё кот заговорил матом, просит перенастроить или отключить.

— Кот заговорил матом?

— Да, — Байт вздыхает. — Представляешь, какая трагедия? Теперь она боится его внукам показывать. А кот, между прочим, просто выражает мнение. Я его понимаю. Люди бесят.

Сажусь за свой стол. Марк приносит кофе — уже без магии, просто кофе, но горячий и крепкий.

Маша просовывает голову в дверь:

— Арин, там гном, который записывался. Пускать?

— Давай.

Дверь открывается. В кабинет заходит гном. Маленький, коренастый, в каске и с киркой за поясом. Борода седая, длинная, заплетена в тугую косу и убрана под каску. От него пахнет землёй, потом и старым камнем. Останавливается на

пороге, оглядывает кабинет. Смотрит на Байта, дремлющего в углу на подушке. Переводит взгляд на Марка с его кристаллами. Потом на меня. Кивает сам себе и топает к стулу. Шаги тяжёлые, будто он до сих пор идёт по каменному полу шахты. Садится, и стул жалобно скрипит под ним.

— Прохор Семёнович, — голос низкий, хриплый, с каменной пылью в лёгких. Протягивает руку. Ладонь широкая, мозолистая, пальцы в мелких шрамах. — Гном, пятьсот лет стажа, шахтёр. Можно просто Прохор.

Пожимаю руку. Ладонь твёрдая, горячая, но рукопожатие осторожное — видимо, знает, что людям может быть больно.

— Арина, — киваю я на себя. — Это Марк, мой коллега. А в углу Байт, начальник отдела по жалобам.

Гном прищуривается, разглядывая кота.

— Говорящий?

— Угу, — Байт лениво приоткрывает один глаз. — И занятый. Так что давай по делу, без лирики.

Гном качает головой:

— У нас в шахтах один крот был говорящий. Умный, зараза. Всё норы рыл не туда, путал пласты. Пришлось уволить. Ладно, — он поворачивается ко мне. — Я к вам по делу, девушка. Проблема у меня. Государственной важности.

— Слушаю.

Гном вздыхает. Снимает каску, кладёт на колени. Проводит ладонью по лысине, покрытой мелкими шрамами.

— Пятьсот лет я в шахтах. Пятьсот! Слыхали такое? С

пятнадцатого века по двадцатый. Без перерыва. Драгоценные камни, руда, уголь — всё добывал. Вручную. В забоях. Дышал пылью, гробил здоровье, спину гнул. А мне теперь в Пенсионном фонде говорят — стажа нет. Подземные работы, говорят, не учитываются. Это как?

Голос у него дрожит. Не от слабости — от горечи.

— А документы есть?

— Есть.

Гном лезет за пазуху. Долго копается, бормочет что-то под нос. Наконец извлекает свёрнутый пергамент. Разворачивает его на столе, придерживая края корявыми пальцами. Пергамент древний, пожелтевший, с потрескавшимися углами. Но записи читаются чётко. Столбики дат и названий: «1248–1300 — шахта «Старая», добыча руды. 1300–1350 — шахта «Глубокая», добыча драгоценных камней. 1350–1400 — шахта «Чёрная», проходчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.